

ПРИВКУС ПЕПЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

DegaOr

18+

Dega Or

Привкус пепла

<https://litres.ru/74240688>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пять лет мира на побережье Солей. У Мэй есть дом, семья, верные друзья и мужчина, готовый ждать столько, сколько потребуется. Кошмары о прошлом почти отступили.

Но мир продолжает меняться. Красная Гниль мутировала, породив быстрых и умных хищников, что охотятся стаями. Обычная вылазка за припасами уводит Мэй в мёртвый город, где ей предстоит столкнуться не только с новой угрозой, но и с призраком, которого она надеялась никогда больше не увидеть.

Некоторые цепи ржавеют, но не исчезают. И чтобы защитить тех, кого любит, Мэй придётся заглянуть в бездну, из которой она однажды уже выбралась.

«Привкус пепла» — это продолжение истории о том, что свобода не всегда приносит облегчение. О том, что монстры иногда носят лица тех, кого мы когда-то любили. И о том, что даже из пепла может вырасти надежда — нужно лишь набраться смелости её увидеть.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Солёный ветер	13
Глава 2. Сбор в дорогу	32
Глава 3. Мёртвый город	44
Глава 4. Эхо Элизиума	65
Глава 5. Взгляд в бездну	85
Глава 6. Чужой среди своих	107
Глава 7. Новоселье на отшибе	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Dega Or

Привкус пепла

Пролог

Я просыпаюсь от собственного крика. В пятый раз за эту неделю. В сотый — за этот год.

Вокруг темнота, сырой холод подземелья и тяжёлое дыхание людей, которые уже привыкли не обращать внимания на мои ночные кошмары. Кто-то ворочается у дальней стены, кто-то тихо всхлипывает во сне. Я сижу, привалившись спиной к ржавой трубе, и пытаюсь замедлить сердцебиение. Ладони мокрые, во рту вкус крови — опять прокусил щеку, пока метался в бреду. Перед глазами всё ещё стоит она. Её лицо, искажённое ужасом и ненавистью, когда я в последний раз видел её в лесу.

Я тру лицо грязной ладонью и смотрю в потолок, по которому расползается чёрная плесень. Пять лет. Пять лет я таскаю за собой этот груз, и он не становится легче. Он врастает в позвоночник, в рёбра, в каждую клетку тела, пока я сам не превращаюсь в ходячее надгробие над собственной жизнью.

Кто-то шевелится рядом. Лин — парнишка лет шестнадцати, которого мы выбрали три месяца назад в развалинах торгового центра. Он смотрит на меня испуганными, но

преданными глазами.

— Опять кошмары?

— Спи, — говорю я хрипло. — Ещё не рассвело.

Он послушно отворачивается, но я знаю, что он не спит. Никто из них не спит по-настоящему. Мы все здесь — ходячие мертвецы, просто некоторые ещё дышат.

Я поднимаюсь, стараясь не шуметь, и иду к выходу из подвала. Надо проверить посты, надо убедиться, что твари не подобралась слишком близко. Надо делать вид, что я знаю, куда веду этих людей. Хотя на самом деле я понятия не имею, есть ли в этом проклятом мире место, где можно просто жить, а не выживать.

Улица встречает меня серым предрассветным сумраком и запахом гари. Мы в мёртвом городе — одном из тех, что погибли ещё в первые годы после начала апокалипсиса. Остовы зданий, ржавые остовы машин, заросли сухого бурьяна, пробивающего асфальт. И тишина.

Я сажусь на обломок бетонной плиты и смотрю на восток, где небо начинает наливаться бледной желтизной. Скоро рассвет. Скоро снова надо будет поднимать людей и вести их дальше. В никуда.

Когда-то я думал, что знаю, куда иду. Когда-то я был наследником Элизиума, сыном великого Кассиана, будущим правителем последнего оплота человечества. Я носил дорогую одежду, пил вино из хрустальных бокалов и считал, что весь мир принадлежит мне по праву рождения. Я смотрел на

людей из внешнего круга как на скот — полезный, но расходный материал. Я брал то, что хотел, и не задумывался о последствиях.

Мэй.

Её имя — как нож в горле. Каждый раз, когда я произношу его мысленно, меня выворачивает наизнанку. Я помню её лицо в тот первый день, когда она вошла в Элизиум, — грязная, измученная, но с таким огнём в глазах, что я задохнулся. Я помню, как решил, что она будет моей. Не «со мной», не «рядом» — моей. Вещью. Игрушкой. Трофеем.

Я ухаживал за ней, как охотник ухаживает за добычей. Дарил подарки, говорил ласковые слова, рассказывал о своих детских травмах, чтобы вызвать жалость. Я видел, как она колеблется, как борется с собой, как постепенно привязывается ко мне. И я наслаждался этим. Каждая её улыбка, каждый робкий взгляд были для меня подтверждением моей власти.

А потом я её сломал.

Я бил её. Я насиловал её. Я держал её на цепи, как собаку, и называл это любовью. Я убеждал себя, что она сама виновата — что если бы она не смотрела на того рейнджера, если бы не пыталась сбежать, если бы не провоцировала меня, я был бы нежным. Я верил в эту ложь, потому что без неё мне пришлось бы признать, что я — чудовище.

Отец говорил мне: «Ты должен быть твёрдым, как камень. Ты должен быть опорой. А ты — тряпка». Он бил меня рем-

нём, палкой, кулаками. Запирал в тёмном подвале на сутки. Заставлял смотреть, как наказывают других, чтобы я «учился быть мужчиной». И я вырос с одной мыслью: я никогда не стану таким, как он. Я буду другим. Я буду лучше.

Ложь. Самая страшная ложь — та, которую мы говорим самим себе. Я стал хуже. Я не просто повторил его путь — я превзошёл его в жестокости, прикрываясь словами о любви. Отец хотя бы не притворялся. А я лгал Мэй, лгал себе, лгал всем вокруг.

Воспоминания накатывают волнами, и я не могу их остановить. Вот я захожу в её комнату ночью, и она сжимается от страха. Вот я бью её по лицу за то, что она посмела заговорить о свободе. Вот она лежит подо мной, глядя в потолок пустыми глазами. Вот цепь на её запястье.

Меня тошнит. Я наклоняюсь вперёд, упираясь локтями в колени, и пытаюсь дышать. Воздух пахнет гарью и смертью — привычный запах, ставший фоном моей жизни. Но сейчас он душит.

Я вспоминаю день, когда всё рухнуло. И это не побег Мэй — это было лишь следствием. А тот момент, когда я узнал правду об отце.

Случайный разговор, подслушанный в коридоре храма. Двое советников обсуждали «очередную партию» в Ущелье. Я не понял сначала. Решил, что речь о заражённых, которых отбраковывают. Но потом прозвучали имена. Женские имена. Имена тех, кто был до Мэй.

Я помню, как стоял, прижавшись спиной к холодной стене, и слушал. Земля уходила из-под ног. Мир, который я считал своим, рассыпался в прах.

Отец не просто отправлял их в Ущелье, потому что они «надоедали». Он убивал их. Всех. Систематически, хладнокровно, как выбракованный скот. Те девушки, которых я считал своими «избранницами», которых я, как мне казалось, любил, — они все погибли в том проклятом Ущелье. И я, сам того не зная, был соучастником. Я делал их «избранницами», наслаждался их вниманием, а потом, когда отец решал, что срок вышел, их уводили в ночь и сбрасывали в яму к тварям.

Мэй была бы следующей.

Я пошёл к отцу в ту же ночь. Не для того, чтобы убить. Я просто хотел услышать от него самого, что это ложь, что советники ошиблись, что он не мог. Он выслушал меня с тем же каменным спокойствием, с каким когда-то наказывал за детские слёзы. А потом сказал: «Ну наконец-то ты узнал. Я уж думал, ты никогда не поумнеешь».

Он не оправдывался и не извинялся. Он гордился. «Они были слабыми, — сказал он. — Они отвлекали тебя от истинного пути. Я очищал твою дорогу, сын. Ты должен был стать твёрдым, как камень. А ты цеплялся за каждую юбку, как сопливый мальчишка».

Что-то сломалось во мне в тот момент. Не сердце — оно уже давно не билось. Что-то глубже, на уровне костного моз-

га. Я смотрел на человека, которого всю жизнь пытался впечатлить, чьё одобрение было для меня важнее воздуха, и видел перед собой чудовище. Абсолютное, беспримесное зло, которое не осознаёт себя злом.

Я не убил его тогда. Я сделал хуже.

Я вышел из храма и пошёл во внешний круг. Туда, где жили меченые, чужаки, те, кого он считал расходным материалом. Я говорил с ними. Не как сын лидера, не как будущий правитель — просто как человек, который хочет рассказать правду. Я называл имена. Все имена, которые смог вспомнить. Я рассказал про Ущелье, про эксперименты, про то, как их дочерей, сестёр, жён уводили в ночь и сбрасывали в яму к тварям.

Толпа собралась быстро. Стража попыталась вмешаться, но я приказал им отойти. Впервые в жизни мой приказ прозвучал так, что никто не посмел ослушаться. Я сам пошёл в храм и вывел отца на площадь. Без охраны, без свиты. Просто взял за шкуру, как старого пса, и выволок к людям.

Я не убивал его. Я просто отошёл в сторону.

Толпа разорвала его за минуты. Я слышал крики, хруст костей, чавканье. Я видел, как люди, которых он считал грязью под ногами, рвали его на куски голыми руками. Я стоял и смотрел. И не чувствовал ничего — ни удовлетворения, ни ужаса, ни облегчения. Только пустоту.

Когда всё закончилось, на площади осталось только кровавое пятно и несколько обрывков одежды. Элизиум пал в ту

же ночь — не от внешней угрозы, а изнутри. Начались беспорядки, резня, пожары. Каждый сводил счёты с каждым. Я не пытался остановить. Я просто ушёл, забрав с собой тех, кто захотел идти.

С тех пор прошло пять лет. Мы скитаемся по мёртвым землям, ищем место, где можно начать заново. Я не знаю, существует ли такое место. Я не знаю, заслуживаю ли я его.

За моей спиной скрипит дверь подвала. Я не оборачиваюсь — узнаю шаги. Элис, женщина лет сорока, бывшая учительница из внешнего круга. Она присоединилась ко мне через год после падения Элизиума и стала кем-то вроде правой руки.

— Опять не спал? — спрашивает она, садясь рядом.

— Уже привык.

— Это не привычка, Дэмиан. Это медленное самоубийство.

Я молчу. Она права, но мне всё равно.

— Люди волнуются, — продолжает Элис. — Мы идём уже три месяца, а конца не видно. Припасы на исходе, вода почти кончилась. Они хотят знать, куда мы направляемся.

— Я не знаю, — честно отвечаю я.

Она вздыхает, но не спорит. Элис — одна из немногих, кто не ждёт от меня чудес. Она просто принимает реальность такой, какая она есть, и делает что может.

— Мы можем продолжать идти на восток, — говорит она после паузы. — Говорят, там меньше заражённых. Или на

север, к холмам. В любом случае, надо двигаться, пока у людей есть силы.

— Двигаться куда? — спрашиваю я. — В пустоту? В очередные руины, где нас встретят только кости и пепел?

Элис не отвечает. Она смотрит на меня долгим, спокойным взглядом, в котором нет ни осуждения, ни жалости.

— Ты не можешь спасти всех, Дэмиан, — говорит она наконец. — Но ты можешь попытаться спасти тех, кто идёт за тобой. Для этого не нужна цель. Нужно просто продолжать идти.

Я отворачиваюсь. Смотрю на серое небо, на остовы мёртвых зданий, на своих людей, которые начинают просыпаться и выбираться из подвала. Худые, грязные, измученные. Они смотрят на меня с надеждой, которой я не заслуживаю. Они верят, что я знаю путь. Они верят, что я приведу их к спасению.

А я даже не знаю, живёт ли во мне хоть что-то, кроме ненависти к самому себе.

Где-то там, в этом бескрайнем мёртвом мире, есть Мэй. Если она жива. Если она выжила. Я не знаю, где она, не знаю, что с ней стало. Иногда, в минуты слабости, я позволяю себе представить, что она нашла убежище, что рядом с ней её брат Оливер, что она больше не вздрагивает от каждого резкого звука. Что она счастлива. С тем рейнджером, Коулом. Он был лучше меня — всегда был. Он спас её, защитил, вытащил из ада. Я ненавижу его за это. И одновременно благо-

дарен.

Я встаю, разминая затёкшие плечи. Элис поднимается следом, отряхивает одежду от пыли и трухи.

— Мы выступаем через час, — говорю я. — Пусть люди соберут вещи. Пойдём дальше на восток. Может, там нам повезёт больше.

Она кивает и уходит. Я остаюсь один, глядя, как первые лучи солнца окрашивают мёртвый город в оттенки ржавчины и крови.

Мы ищем безопасное место. Мы ищем его уже пять лет. И я не знаю, существует ли оно вообще. Но пока за мной идут люди, я буду продолжать этот путь. Не потому, что верю в спасение. А потому, что остановиться — значит признать, что всё было зря. И Мэй, и те девушки, и Элизиум, и отец, и моя жалкая, никчёмная жизнь.

Я не готов это признать. Пока нет.

Глава 1. Солёный ветер

Море дышало.

Этот звук я узнала бы из тысячи — глубокий, мерный вдох и выдох прибоя где-то внизу, под обрывом. Волна накатывала на камни с тяжёлым вздохом, шипела, отступая, унося с собой гальку и песок, и снова возвращалась. Бесконечный, убаюкивающий ритм, под который я засыпала уже больше пяти лет.

Пять лет.

Иногда эта цифра казалась мне нереальной. Пять лет с тех пор, как я выбралась из Элизиума — выползла, выгрызла себе свободу зубами, оставляя за спиной золотую клетку, цепи и человека, который называл меня своей. Пять лет, как я в последний раз видела его лицо — искажённое яростью и чем-то ещё, чего я тогда не поняла. Или не захотела понимать.

— Мам. Ма-ам.

Маленькая ладошка легла на мою щеку. Тёплая, чуть влажная — Хоуп, наверное, уже успела сунуть руки в миску с водой, которую я с вечера оставила на подоконнике. Моя дочь никогда не просыпалась тихо. Её пробуждение всегда было похоже на взрыв: сначала шёпот, потом настойчивое «мам», потом холодные пальцы на лице и требовательное дёрганье за рукав.

— Мам, ты спишь?

— Уже нет, — я открыла глаза.

Серо-голубые глаза дочери смотрели на меня с расстояния в пару дюймов. Хоуп лежала на животе, подперев щёки ладоншками, и её светлые волосы, растрёпанные после сна, с запутавшейся в них соломинкой от подушки, свисали вниз, щекоча мне нос.

— Там дельфины, — сообщила Хоуп тоном, каким общаются о конце света. — Много. Я в окно видела. Пойдём посмотреть. Прямо сейчас.

Я прикрыла глаза, считая до трёх. В висках ещё пульсировало эхо сна, того самого, с цепями и голосом, от которого кровь стыла в жилах. Я не помнила деталей, только ощущение: холод металла на моих запястьях, темнота, и этот голос, произносящий моё имя так, словно оно принадлежало ему. Всегда принадлежало.

— Дай мне минуту, — сказала я, садясь на кровати.

Мой домик у обрыва был маленьким — одна комната, разделённая занавеской на «спальню» и «кухню». Я сама выбрала это место, когда Совет Солей распределял жильё среди новоприбывших. Другие хотели селиться в центре городка, поближе к пекарне Марты, подальше от края. Я, наоборот, попросилась сюда — на самый край, где земля обрывалась в море, а ветер гудел в щелях ставень так, что казалось, будто дом вот-вот взлетит.

Мне нужно было слышать море. Оно заглушало мысли.

Я натянула штопаную кофту, сунула ноги в разношенные ботинки и позволила Хоуп вытащить меня за дверь. Девочка скакала впереди, её босые пятки мелькали по утопанной тропинке, ведущей к обрыву.

— Осторожно! — крикнула я, но Хоуп уже неслась вперёд, и ветер трепал её волосы, выбивая из них соломинку.

Утро только начиналось. Над морем висела лёгкая дымка. Не туман, а так, остатки ночной прохлады, которую солнце ещё не успело разогнать. Вода была серо-стальной, с серебристыми прожилками там, где первые лучи пробивались сквозь облака. Пахло солью, рыбой, мокрым камнем и чем-то ещё горьковатым, как полынь. Так пахла свобода. Я знала этот запах теперь лучше, чем запах собственной кожи.

Хоуп уже стояла на самом краю обрыва — слишком близко, как всегда. Я одёрнула её за плечо, притянула к себе, и девочка недовольно засопела, но не вырывалась. Она знала: мама боится высоты. Вернее, не высоты — боится края. Боится того, что может случиться, если подойти слишком близко.

— Вон они, смотри!

Дельфины были там — стайка из шести или семи особей, их гладкие серые спины поблёскивали в утреннем свете, когда они выныривали на поверхность. Один, самый крупный, выпрыгнул из воды целиком, изогнувшись дугой, и рухнул обратно с громким всплеском. Хоуп взвизгнула от восторга и захлопала в ладоши.

Я смотрела на дочь, а не на дельфинов.

Пять лет. Пять лет назад я, беременная, израненная, полубезумная от пережитого, выбралась из ада и думала только об одном: выжить. Сохранить этого ребёнка, несмотря ни на что. Тогда я ещё не знала, смогу ли полюбить дочь — или буду видеть в ней только его черты, его кровь, его продолжение.

Но когда акушерка положила мне на грудь крошечный, сморщенный, орущий комочек, я поняла: это моё. Только моё. Хоуп была не продолжением Дэмиана. Она была отдельным человеком, новой жизнью, чистым листом. И я поклялась себе, что этот лист никогда не будет запачкан тем, через что прошла я сама.

— Мам, а почему они приплывают только утром? — спросила Хоуп, не отрывая взгляда от моря.

— Потому что утром рыба подходит ближе к берегу, — ответила я. — Дельфины за ней охотятся.

— А мы будем охотиться?

— Нет. Мы просто смотрим.

Хоуп на мгновение задумалась, потом кивнула, принимая объяснение. Она вообще легко принимала объяснения — качество, которое я ценила и которого немного опасалась. Мир Хоуп был простым и понятным: есть мама, есть дядя Коул, есть дядя Оливер, есть тётя Марта и дядя Томас, есть море и дельфины. Есть опасность «снаружи», о которой взрослые говорят вполголоса, но которая пока не коснулась её лично.

И есть вопросы, на которые мама всегда отвечает — пусть не полностью, но достаточно, чтобы успокоить.

Я села прямо на траву, подобрав под себя ноги. Хоуп тут же устроилась рядом, привалившись к моему боку. Утренний ветер охлаждал щёки, забирался под кофту, но от дочери шло тепло — живое, настоящее, ни с чем не сравнимое.

В такие моменты я почти забывалась.

Почти.

Мы вернулись к дому, когда солнце уже поднялось над лесом и начало пригревать по-настоящему. Хоуп убежала к курятнику — проверять, снесли ли куры яйца, — а я остановилась у крыльца, заметив знакомую фигуру.

Коул стоял у поленницы, перекладывая дрова. Он всегда появлялся так — без стука, без предупреждения, просто возникал там, где был нужен. Я давно перестала удивляться этому.

Сегодня он принёс рыбу. Три крупные кефали, уже выпотрошенные и промытые, лежали на широком листе лопуха у порога. Сам Коул, закончив с дровами, молча взял ведро и направился к колодцу — старая цепь скрипела, ворот требовал смазки, и я мысленно сделала заметку: попросить Томаса глянуть.

— Спасибо, — сказала я, когда он вернулся с полным ведром.

Коул кивнул. Его серые глаза скользнули по моему лицу — быстро, цепко, отмечая то, что я пыталась скрыть: тени

под глазами, следы дурного сна, напряжение в плечах. Он ничего не сказал. Просто поставил ведро у двери и принялся разводить огонь в камине, который сам же и смастерил прошлой весной.

Я смотрела на его спину — широкую, надёжную, обтянутую выцветшей рубашкой, — и чувствовала, как внутри поднимается знакомая волна. Тепло и вина. Всегда вместе, всегда неразделимо.

Тепло — потому что Коул был здесь. Пять лет он был рядом. Он вытащил меня из леса, когда я, обессиленная, уже не могла идти. Он построил этот дом. Он учил Хоуп ставить силки и различать следы.

Вина — потому что я не могла дать ему того, что он заслуживал.

Я пыталась. Год назад, зимой, когда Хоуп уснула у Марты, а мы с Коулом остались вдвоём у камина, я сама потянулась к нему. Просто чтобы попробовать, проверить, могу ли я быть нормальной. Могу ли чувствовать что-то к мужчине, который не причиняет боль.

Коул тогда остановил меня. Мягко, но твёрдо. Отвёл мои руки от своего лица и сказал только: «Не надо, Мэй. Ты не готова».

Я тогда расплакалась впервые за долгое время. От стыда, от благодарности, от бессилия. Коул просто сидел рядом, пока я не успокоилась, а потом ушёл.

С тех пор я больше не пыталась.

— Оливер на стене? — спросила я, просто чтобы нарушить молчание.

— Был, — ответил Коул, не оборачиваясь. Огонь уже занялся, и он подкладывал тонкие щепки, чтобы пламя разгорелось ровно. — Сменится в полдень. Говорил, зайдёт вечером.

Я кивнула, хотя он не мог этого видеть. Оливер заходил почти каждый вечер — проведать меня, поиграть с племянницей, молча посидеть на крыльце, глядя на море. За пять лет мы так и не научились говорить о том, что случилось в Элизиуме. Оливер не спрашивал. Я не рассказывала. Но он был рядом, и это было важнее любых слов.

Хоуп вернулась из курятника с двумя яйцами в подоле рубашки — сияющая, будто нашла сокровище.

— Дядя Коул, смотри! — она сунула ему под нос свою добычу. — Большие!

— Хорошие, — серьёзно сказал Коул, принимая яйца из её ладошек. — На завтрак хватит.

— И на обед!

— И на обед, — согласился он, и уголок его рта чуть дрогнул — почти улыбка.

Я отвернулась к морю. Смотреть на них вместе было больно. Слишком правильно, слишком хорошо, слишком похоже на то, чего у меня никогда не будет — простая, тихая жизнь, где мужчина приносит рыбу, женщина готовит завтрак, а ребёнок смеётся, не зная, что такое страх.

Где-то глубоко внутри, в той части души, которую я старалась не тревожить, я знала: я сама не позволяю себе эту жизнь. Не Коул тому виной. Я сама. Что-то во мне было сломано так основательно, что починить уже нельзя — можно только приспособиться, найти способ существовать с этой поломкой.

Дэмиан сломал меня. А потом я сама добила остатки — чтобы выжить, чтобы не сойти с ума, чтобы стать той женщиной, которой я была сейчас: жёсткой, собранной, способной командовать отрядом и убивать мутантов. Но внутри, под этой бронёй, всё ещё жила та, другая я — которая когда-то верила в любовь, которая хотела простого счастья, которая не вздрагивала от прикосновений.

Та я умерла в золотой клетке.

Или нет? Иногда, в редкие моменты — как сегодня утром рядом с Хоуп, — мне казалось, что она ещё дышит.

Завтрак прошёл в привычном ритме. Яичница с зеленью, которую я выращивала на подоконнике. Хлеб от Марты — вчерашний, но всё ещё вкусный. Рыбу решили оставить на обед: закоптить или сварить уху, если Хоуп уговорит.

Коул ел молча, быстро, как человек, привыкший, что еда может закончиться в любой момент. Я ковырялась в своей порции, не чувствуя голода. Сон всё ещё держал меня — не воспоминаниями, а ощущением. Холод металла на запястьях. Темнота. Голос.

Я поёжилась и натянула рукава кофты ниже, хотя в доме

было тепло от камина.

— Опять? — спросил Коул.

Всего одно слово, но я поняла.

— Да.

— Тот же?

— Всегда тот же.

Он кивнул, ничего больше не сказал. Допивал воду из кружки, глядя в окно, где за мутным стеклом качалась от ветра ветка дикой яблони. Хоуп, к счастью, была занята — она крошила хлеб воробьям, которые слетелись на подоконник, и что-то им нашёптывала.

Я знала: Коул хочет спросить больше. Хочет понять, что именно мне снится. Хочет помочь. Но он молчит, потому что знает — я не расскажу. Не потому что не доверяю. Просто словами это не передать. Это нужно пережить — снова и снова, каждой ночью, просыпаясь в холодном поту и хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба.

Иногда мне снились цепи. Иногда — его руки на моём горле, не душащие, но сжимающие ровно настолько, чтобы напомнить: ты моя. Иногда — его голос, произносящий моё имя так, словно оно было самой важной вещью в мире.

Хуже всего были сны, в которых он был нежен.

В этих снах не было цепей. Была комната, залитая золотистым светом свечей, и он — сидящий рядом, проводящий пальцами по моим волосам. Я просыпалась от этих снов с самым мерзким чувством — будто предала саму себя. Буд-

то моё тело, моё подсознание всё ещё принадлежало ему, несмотря на пять лет свободы.

Я отодвинула тарелку.

— Присмотришь за Хоуп? Мне нужно в город. К Марте.

Коул кивнул. Он всегда кивал. Всегда был готов.

— Мам, а можно я с дядей Коулом на берег? — тут же встряла Хоуп, забыв про воробьёв. — Он обещал показать, как крабов ловить!

— Он обещал? — я вопросительно посмотрела на Коула. Тот чуть пожал плечами:

— В прошлый раз сорвалось. Дождь пошёл.

— Ладно, — я встала, одёрнула кофту. — Только далеко от берега не уходите. И надень шапку.

— Мам, ну какая шапка, лето же!

— Ветер. Шапку. Или останешься дома.

Хоуп надулась, но спорить не стала — знала, что со мной этот номер не проходит. Пока она искала свою вязаную шапку (подарок Марты на прошлый День основания Солей), я вышла на крыльцо.

Ветер с моря приносил запах соли и йода. Чайки орали над обрывом, ссорясь из-за выброшенной волнами рыбыны. Где-то в посёлке стучал молоток — Томас, наверное, чинил чью-то крышу. Мирные звуки.

Я потёрла запястья под рукавами. Там, под тканью, белели шрамы — следы цепей, которые я носила месяцами. Кожа давно зажила, но память осталась. Иногда мне казалось,

что я до сих пор чувствую их тяжесть — особенно по ночам, когда сны были особенно яркими.

Я смотрела на море и думала о том, что где-то там, за горизонтом, лежит материк. А на материке — руины городов, орды мутантов, и, возможно, он.

Я не знала, жив ли он. После моего побега вестей из Элизиума не было. Беглецы, добравшиеся до Солей позже, рассказывали сбивчиво: то ли бунт, то ли переворот, то ли сам Кассиан погиб, то ли его сын сошёл с ума и открыл ворота мутантам. Никто не знал точно. Я не спрашивала.

Но иногда — вот как сейчас, стоя на крыльце под солёным ветром, — я позволяла себе на секунду представить: а что, если он мёртв? Что, если всё кончено, и он никогда больше не появится в моей жизни?

Эта мысль должна была приносить облегчение. Но не приносила. Вместо облегчения приходила пустота — странная, неправильная, от которой хотелось выть.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

«Ты сломал меня, — подумала я, обращаясь к тому, кого не было рядом. — Ты сломал меня так, что я даже ненавидеть тебя нормально не могу».

— Мам, я готова! — Хоуп выскочила на крыльцо в шапке, натянутой почти на глаза, и в своих любимых ботинках, которые были ей велики на размер, но которые она отказывалась менять.

— Идём, — Коул вышел следом, задержался на мгновение

рядом со мной. Наши плечи почти соприкасались. — Ты в порядке?

— Да, — солгала я. — Просто не выспалась.

Он посмотрел на меня своим обычным взглядом — спокойным, внимательным, всё понимающим. И ничего не сказал. Просто кивнул и пошёл к тропинке, ведущей вниз, к пляжу. Хоуп тут же уцепилась за его руку и затараторила что-то про крабов, ракушки и про то, как она вчера видела «огромную-преогромную медузу».

Я смотрела им вслед, пока они не скрылись за поворотом.

Потом выдохнула, поправила напульсник на левом запястье — он сбился, и шрам был виден, — и направилась в город.

Солей просыпался.

По кривым улочкам, мощёным битым ракушечником и досками, уже ходили люди. Женщины с вёдрами направлялись к колодцу. Рыбаки разбирали сети у причала — сегодня был удачный улов, слышался смех и плеск воды. Дети носились между домами, играя в догонялки. Из трубы пекарни Марты поднимался дым — белый, пахнущий свежим хлебом и травами.

Я шла медленно, кивая знакомым. Грэг, здоровяк-охотник, махнул мне от колодца и крикнул что-то про завтрашнюю вылазку. Я махнула в ответ, не останавливаясь. Джон, его напарник, сидел на бревне у кузни и точил нож — поднял глаза, коротко кивнул.

Меня знали. Уважали и немного боялись — я была слишком серьёзной, слишком отстранённой, слишком «себе на уме». Но ценили: я была лучшим следопытом в Солей и одним из немногих, кто не боялся ходить в мёртвые города за припасами.

Я заработала это уважение кровью и потом. Доказала, что могу быть полезной. Что я не просто «та женщина из Элизиума», спасшаяся чудом. Что я — воин, защитник, часть общины.

Но иногда, идя по этим мирным улочкам, я чувствовала себя чужой.

Все эти люди — они строили новую жизнь. У них были пары, семьи, дети, рождённые уже здесь, в безопасности. Они смеялись, сплетничали, праздновали свадьбы и дни рождения. Они жили.

Я существовала.

Я заботилась о Хоуп, ходила в рейды, чинила крышу и ловила рыбу. Я функционировала. Но где-то внутри, под всеми этими слоями «надо» и «должна», зияла пустота. Дыра размером с Элизиум, которую не заполняли ни любовь дочери, ни забота Коула, ни уважение общины.

Может быть, поэтому сны возвращались. Может быть, моё подсознание пыталось что-то мне сказать — что-то, что я отказывалась слышать днём.

Пекарня Марты стояла в центре города — приземистое каменное здание с большой печью. Запах свежего хлеба чув-

ствовался за два квартала. Я толкнула дверь и вошла в тепло, пропитанное ароматами дрожжей, трав и корицы.

Марта, сухонькая женщина с цепкими тёмными глазами, месила тесто. Её руки, покрытые старческими пятнами и шрамами от ожогов, двигались размеренно и сильно — она могла бы свернуть шею курице, если бы захотела. Но вместо этого она пекла лучший хлеб на побережье.

— Пришла, — сказала Марта, не оборачиваясь. — Садись. Чай будешь?

— Буду.

Я опустилась на лавку у стола, заваленного мукой и травами. Здесь, в этом тёплом, пахнущем домом месте, я всегда немного расслаблялась. Марта была одной из немногих, с кем можно было молчать. Или говорить. Или не говорить вообще.

Марта поставила передо мной глиняную кружку с травяным чаем и села напротив, вытирая руки о передник.

— Опять не спала?

— Спала. Просто плохо.

— Снова про него?

Я не ответила, но моё молчание было красноречивее слов. Марта вздохнула, отхлебнула из своей кружки.

— Пять лет, девочка. Пять лет ты носишь его в себе, как камень за пазухой. Думаешь, он оценит, если узнает?

— Я не для него ношу, — глухо сказала я.

— Не для него, — повторила Марта с горькой усмешкой.

— Ты держишься за эту боль, потому что боишься: отпустишь — и ничего не останется. Так?

Я подняла глаза. Марта смотрела на меня без осуждения — только с усталой мудростью человека, который сам прошёл через ад и выбрался.

— Может быть, — признала я. — Я не знаю, кто я без этой ненависти. Я пять лет только и делаю, что выживаю. А жить я не умею.

— Умеешь, — отрезала Марта. — Просто боишься. Жить — это страшнее, чем выживать. Выживать — просто: есть цель, есть враг, есть чёткие правила. А жить — это открыться. Довериться. Позволить себе быть счастливой. Это, девочка, самое трудное.

Я молчала, грея руки о кружку.

— Коул хороший человек, — сказала Марта после паузы. — Он любит тебя.

— Я знаю.

— А ты его?

Я долго смотрела в тёмную глубину чая, прежде чем ответить:

— Я не знаю, умею ли я вообще любить. После всего, что произошло со мной.

Марта ничего не сказала. Просто встала, подошла и положила свою сухую, тёплую ладонь на моё плечо. Так мы и сидели в тишине, наполненной запахом хлеба и трав, под мерное тиканье старых часов на стене.

Когда я вышла из пекарни, солнце стояло уже высоко. День обещал быть тёплым, даже жарким — редкая удача для побережья, где ветер почти никогда не стихал.

Я направилась к восточному забору — нужно было проверить, как идут работы по укреплению. Совет ещё вчера решил усилить оборону: разведчики докладывали о странной активности мутантов на севере. Никто не паниковал, но лишняя предосторожность не помешает.

У забора кипела работа. Мужчины таскали заострённые брёвна, вкапывали их глубже, укрепляли поперечными балками. Среди них я заметила Оливера — он стоял на лесах, прибивая доски к верхнему краю стены, и что-то кричал вниз рабочим.

За пять лет брат вытянулся, стал сильнее. От испуганного мальчишки, которого я тащила через лес, не осталось и следа. Теперь это был молодой мужчина: крепкий, уверенный, с жёсткой складкой у рта и внимательным прищуром синих глаз.

Он заметил меня, махнул рукой и через минуту спрыгнул с лесов, легко приземлившись на ноги.

— Пришла проверить? — спросил он, вытирая пот со лба. — Всё по графику. К вечеру этот сектор закончим.

— Хорошо, — я оглядела работу. — Северную сторону тоже надо бы укрепить. Там брёвна гнилые снизу.

— Знаю. Завтра займёмся.

Они стояли рядом, глядя, как рабочие вбивают очередное

бревенно в землю. Я чувствовала, что брат хочет что-то сказать, но не решается. Оливер вообще стал более сдержанным за эти годы — реже вспыхивал, больше думал перед тем, как говорить. Но сейчас его что-то грызло.

— Что? — спросила я прямо.

— Ничего. Просто... — он замолчал, подбирая слова. — Ты сегодня какая-то... не такая.

— Не выпалась.

— Опять кошмары?

Я кивнула. Оливер сжал челюсти — я видела, как желваки заходили под кожей.

— Если бы я только мог... — начал он, но я перебила:

— Ты не можешь. Никто не может. Это в моей голове, Оливер. Там ты не сможешь.

— Я знаю, — он отвернулся к морю, которое блестело за частоколом. — Но я всё равно хочу. Хочу сделать что-то. Убить его, например.

Я не ответила. Мы оба знали, что Дэмиан далеко — если вообще жив. Но имя повисло между нами, тяжёлое и липкое, как смола.

— Он не стоит того, чтобы о нём думать, — сказал Оливер наконец. — Он никто. Просто больной ублюдок, который получил по заслугам.

— Может быть, — тихо сказала я.

Оливер посмотрел на меня долгим взглядом, но ничего больше не спросил. Просто сжал моё плечо — коротко, по-

мужски — и вернулся к работе.

А я осталась стоять у частокола, глядя на море и слушая, как ветер несёт с севера запах соли и чего-то ещё — едва уловимого, горьковатого, как пепел.

Вечером, когда солнце уже коснулось горизонта и вода стала золотисто-розовой, я сидела на крыльце и смотрела, как Хоуп раскладывает перед собой сокровища, собранные на пляже: камешки с дырочками, обкатанное волнами цветное стекло, ракушки всех форм и размеров, высохшая морская звезда.

— Вот этот — тебе, — Хоуп протянула мне гладкий чёрный камешек с белой прожилкой. — Чтобы ты не грустила.

Я взяла камень, он был тёплым от ладони дочери.

— Я не грущу, — сказала я.

— Грустишь, — Хоуп посмотрела на меня своими огромными серо-голубыми глазами — слишком взрослыми, слишком понимающими для пяти лет. — Ты всегда грустишь по утрам. Я вижу.

Я притянула дочь к себе, уткнулась носом в её макушку, пахнущую морем и ветром.

— Это просто сны, — прошептала я. — Глупые сны. Они пройдут.

Хоуп обняла меня в ответ — крепко, всем своим маленьким тельцем, и я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Не тепло и вина, как с Коулом. Что-то другое — чистое, простое, настоящее.

Любовь.

Единственная любовь, в которой я была уверена. Единственная, которая не причиняла боль.

Где-то внизу, у подножия обрыва, море дышало — вдох и выдох, вдох и выдох. Чайки устроились на ночлег в расщелинах скал. Ветер стихал, обещая тихую, ясную ночь.

Я закрыла глаза и позволила себе минуту покоя. Всего минуту. Прежде чем наступит ночь. Прежде чем сны вернутся.

Прежде чем прошлое снова постучится в мои двери.

Я ещё не знала, что это случится совсем скоро. Что человек, которого я ненавидела и боялась, уже идёт ко мне через леса и руины. Что судьба, от которой я бежала пять лет, дышит в затылок.

Но это было потом.

А сейчас — только море, ветер, дочь в моих объятиях и хрупкий, почти невесомый миг покоя.

Я сжала в ладони чёрный камешек и позволила себе просто дышать.

Глава 2. Сбор в дорогу

Море в это утро было другим.

Я стояла на крыльце и смотрела, как тяжёлые свинцовые волны бьются о скалы внизу, поднимая тучи брызг. Ветер переменялся — теперь он дул с севера, принося запах леса и сырой земли вместо привычной соли. Небо затянуло облаками, низкими и серыми, обещающими дождь к полудню.

Хоуп ещё спала. Я встала раньше обычного — меня разбудил не кошмар, а тревога. Та самая, знакомая, которая появлялась всегда перед опасными вылазками. Сжимала желудок, заставляла сердце биться чаще, а пальцы — проверить острiest ножа снова и снова.

Сегодня Совет собирал разведгруппу.

Вчера вечером, когда я уже укладывала Хоуп спать, пришёл Грэг. Стукнул в дверь три раза — условный сигнал «свои» — и, не дожидаясь приглашения, просунул в щель своё обветренное лицо.

— Завтра утром у Совета, — сказал он без предисловий.
— Разведка в мёртвый город. Сигнал там какой-то уловили на севере, да и припасы нужны. Ты нужна.

— Я приду, — ответила я, не оборачиваясь от кровати, где Хоуп уже засопела, натянув одеяло на ухо.

Грэг кивнул и исчез так же быстро, как появился. Он не спрашивал, хочу ли я идти. Знал, что ответ будет «да». Я

всегда вызывалась добровольцем, когда речь шла о вылазках за пределы Солей. Не потому, что любила риск. Просто там, за стенами, я чувствовала себя... понятнее. В мире, где каждый куст мог скрывать тварь, где смерть поджидала за каждым углом, моя внутренняя сломанность переставала быть недостатком. Там я становилась цельной — охотницей, воин, машиной для выживания.

Дома, в тишине и безопасности, эта целостность распадалась.

Сейчас, стоя на крыльце и глядя на серое море, я перебирала в голове снаряжение. Нож — на поясе, под рукой. Арбалет — у двери, заряжен. Боезапас — дюжина болтов, больше брать не имело смысла, тяжело. Аптечка — Марта вчера обновила, добавила сушёного мха и настойки из корней, которые останавливали кровь. Сухой паёк на три дня. Фляга с водой.

— Ты уже собралась?

Голос Коула заставил меня вздрогнуть. Я не слышала, как он подошёл — ветер заглушал шаги.

— Почти, — ответила я, не оборачиваясь. — Осталось Хоуп разбудить и к Марте отвести.

— Я присмотрю за ней.

— Ты идёшь со мной.

Это был не вопрос. Я знала, что Коул тоже в группе — Грэг сказал вчера. Мой лучший следопыт, опытный боец, человек, которому можно доверять спину в любой схватке. Со-

вет не дураки, они понимали: если идти в мёртвый город, нужно брать лучших.

Коул подошёл ближе, остановился в шаге от меня. Я чувствовала его тепло — не прикасаясь, просто кожей, которая давно научилась различать его присутствие.

— Ты не хочешь, чтобы я шёл, — сказал он тихо. — Я вижу.

Я наконец повернулась. Коул смотрел на меня своим обычным взглядом — спокойным, всё понимающим, без тени обиды. Он не ждал от меня оправданий или объяснений. Просто констатировал факт.

— Я хочу, чтобы ты остался с Хоуп, — сказала я. — Если мы уйдём оба... если с нами что-то случится...

— Ничего не случится.

— Ты не можешь этого знать.

Он помолчал. Ветер трепал его тёмные волосы, бросал в лицо солёные брызги, но Коул стоял неподвижно, как скала.

— Оливер остаётся, — сказал он наконец. — Он защитит её.

— Оливер — начальник караула, у него другие задачи. А Хоуп нужен кто-то, кто будет рядом постоянно. Кто знает, как она просыпается, что ест на завтрак, где у неё любимый камешек.

Коул отвернулся, посмотрел на море. Я заметила, как сжались его челюсти — единственный признак того, что внутри что-то происходит.

— Ты не хочешь меня брать, потому что боишься, — сказал он глухо. — Не за неё. За себя. Ты боишься, что если я буду рядом, ты не сможешь быть той... той, кем становишься в рейдах.

Я замерла.

Он попал в точку — как всегда, когда дело касалось меня. Коул видел меня насквозь, и это было одновременно самым ценным и самым невыносимым в наших отношениях. Он знал, что за стенами я превращаюсь в другого человека — хладнокровного, безжалостного, почти монстра. И он знал, что это превращение было моей защитой. Моей бронёй. Бронёй, которая трескалась, когда он был рядом.

Потому что рядом с Коулом я могла позволить себе быть слабой. А в мёртвом городе слабость означала смерть.

— Ты нужен здесь, — сказала я твёрже, чем чувствовала. — Нужен Хоуп. Это не обсуждается.

Коул посмотрел на меня долгим взглядом. В его серых глазах мелькнуло что-то — боль? Горечь? — но он кивнул, принимая моё решение.

— Хорошо, — сказал он. — Но если вы не вернётесь через три дня, я пойду искать.

— Договорились.

Он развернулся и пошёл к дому, наверное, чтобы приготовить завтрак, пока я буду собираться окончательно. У порога остановился, не оборачиваясь.

— Мэй?

— Что?

— Будь осторожна, пожалуйста.

Я не ответила. Просто смотрела, как он уходит внутрь, и чувствовала, как внутри поднимается знакомая волна. Тепло и вина. Всегда вместе.

Совет Солей собирался в старом рыбном складе у причала — единственном здании, где могло поместиться больше десяти человек. Здесь пахло рыбой, дымом и потом, но другого места для общих сборов в городе не было.

Я пришла, когда уже почти все собрались. Грэг — у стены, прислонившись плечом к ржавой бочке. Джон и Самюэль — его тени, всегда рядом. Ещё несколько охотников, которых я знала по рейдам: молчаливый здоровяк по прозвищу Кузнец, тощий парень Терри с вечно бегающими глазами. И — я удивилась — Кай.

Разумный заражённый стоял в углу, отдельно от всех, и смотрел в пол. Его бледное лицо казалось ещё бледнее в тусклом свете керосиновых ламп, а красные глаза — ярче. Люди старались не смотреть на него, но никто не возражал против его присутствия. Кай ходил в разведку чаще других — его чутьё на мутантов было бесценным.

В центре склада стояли трое старейшин Совета: Элинор, сухая седая женщина с цепкими глазами, бывшая учительница; Кент, рыжебородый здоровяк, когда-то командовавший отрядом наёмников; и старик Лукас, которого все называли просто «дед», хотя все знали его настоящее имя.

— Все в сборе, — сказала Элино́р, окидывая присутствующих быстрым взглядом. — Начнём.

Она рассказала то, что я уже знала из вчерашнего разговора с Грэ́гом: разведчики засекли странную активность с севера, из мёртвого города, что в трёх днях пути. Не радио — откуда там радио, — а что-то другое. Дым, возможно, или свет по ночам. Или просто движение, слишком организованное для мутантов.

— Нам нужно знать, что там, — говорила Элино́р. — Если в городе есть люди, мы должны установить контакт. Если угроза — оценить.

— Но идти напрямиком на сигнал — самоубийство, — заметил Кент. — Если там засада или стая, мы потеряем группу. Поэтому сначала идем за припасами.

Грэг хмыкнул:

— У нас муки на две недели, а зима не за горами. Тёплые вещи, медикаменты, консервы — это не роскошь.

— Именно, — кивнул Кент. — Поэтому основная задача группы — обследовать восточный сектор города. Там до катастрофы были продовольственные склады и аптечный распределитель. Мы ходили туда два года назад, но тогда не смогли пробиться из-за завалов. Сейчас, возможно, проход открылся.

— А сигнал? — спросила я.

— Сигнал — вторичная цель, — сказал Лукас. — Если будет возможность, проверите. Но не в ущерб основной за-

даче. Припасы нам нужнее, чем встреча с неизвестными.

Элинор добавила:

— И ещё: если в городе действительно кто-то есть, они могли уже растащить склады. Но восточный сектор далеко от центра, там редко кто шастает. Есть шанс, что всё нетронуто.

Я слушала и понимала: они правы. Сначала — выживание. Потом — всё остальное.

— Идём на восток, — сказала я. — Сигнал проверим, только если будет по пути и без риска.

Старейшины одобрительно кивнули.

— Выступаете через час, — сказал Кент. — Солнце только встало, у вас будет световой день до вечера. Первый привал — у старой мельницы, там безопасно.

Я кивнула и повернулась к выходу. Нужно было попроситься с Хоуп.

— Мэй, подожди.

Я обернулась. Ко мне шёл Оливер — покрасневшийся, запыхавшийся, словно бежал.

— Я иду с вами, — сказал он, и в его голосе я услышала тот самый мальчишеский задор, который так старалась выбить из него за последние пять лет. — Я уже говорил с Советом, они разрешили.

— Нет, — отрезала я.

— Но почему? Я лучший стрелок в карауле, я ходил в разведку.

— Ты нужен здесь.

— Коул остаётся! — Оливер шагнул ко мне, в его синих глазах загорелся знакомый огонь. — Он защитит Хоуп, он защитит город. А я хочу быть полезным. Я хочу идти с тобой.

Я посмотрела на брата. Пять лет назад он был испуганным мальчишкой, которого я тащила через лес, молясь, чтобы мы оба выжили. Теперь передо мной стоял мужчина — выше меня на голову, шире в плечах и мозолистыми руками. Он имел право принимать собственные решения.

Но не тогда, когда речь шла о безопасности Хоуп.

— В городе есть кто-то, кроме тебя, кто может командовать караулом? — спросила я спокойно. — Кто знает все тропы, все лазейки, все слабые места в обороне?

Оливер замялся.

— Ну... Грэг, но он уходит с вами. Коул, но он...

— Остаётся, но не затем, чтобы сидеть на стене и следить за порядком. Он будет с Хоуп. А кто заменит тебя? Терри? Он даже арбалет перезарядить нормально не может.

Оливер сжал кулаки, но промолчал. Он знал, что я права.

— Твоё место здесь, — сказала я тише, положив руку ему на плечо. — Ты нужен Солей. Ты нужен Хоуп. А я справлюсь. У меня есть Грэг, есть Джон, есть Кай. Я вернусь.

— Обещаешь?

В его голосе прозвучало что-то детское, и я вдруг остро, до боли, осознала, что Оливер всё ещё боится потерять меня. Так же, как боялся пять лет назад в лесу, когда я несла его на себе, истекающего кровью, и шептала: «Мы справимся, брат,

мы обязательно справимся».

— Обещаю, — сказала я.

Он кивнул, отвернулся, и я увидела, как дрогнули его плечи. Я хотела обнять его, как раньше, но что-то остановило. Не потому, что не хотела — просто мы оба уже были не теми, кто мог позволить себе слабость прилюдно.

Вместо этого я просто сжала его плечо ещё раз и вышла из склада.

Хоуп не плакала.

Это было самое удивительное и самое страшное в моей дочери — она принимала разлуку со мной так, словно это было частью естественного порядка вещей. Как смену дня и ночи. Как приливы и отливы.

— Ты вернёшься через три дня? — спросила девочка, сидя на кровати и болтая ногами.

— Через три дня, — подтвердила я, складывая последние вещи в рюкзак. — Дядя Коул будет с тобой. И тётя Марта.

— И дядя Оливер?

— И дядя Оливер. Он покажет тебе, как строгать дерево, помнишь, обещал?

Хоуп кивнула, но в её серо-голубых глазах — таких похожих на мои и таких чужих — промелькнула тень. Я знала эту тень. Это был страх, который девочка научилась прятать. Так же, как я прятала свои шрамы под длинными рукавами.

— Мам, — Хоуп прыгнула с кровати и подошла ближе.

— Возьми камешек.

Она протянула тот самый, чёрный с белой прожилкой, который подарила мне вчера вечером.

— Он принесёт удачу, — серьёзно сказала Хоуп. — Я так хочу.

Я взяла камешек. Он был тёплым от её ладони.

— Спасибо, — сказала я, сжимая его в кулаке. — Я буду его беречь.

Хоуп посмотрела на меня долгим, взрослым взглядом, потом кивнула и убежала к Коулу, который ждал у двери с терпеливым выражением лица.

Я сунула камешек в карман куртки, рядом с сердцем.

У северных ворот собралось десять человек.

Я окинула их взглядом, отмечая лица, оружие, состояние. Грэг — надёжен, как скала. Джон и Самюэль — опытные следопыты, молчаливые и быстрые. Кузнец — тяжёлая артиллерия, его дробовик мог остановить даже крупного мутанта. Терри — нервный, но шустрый, хорош в разведке. Ещё четверо охотников, которых я знала хуже, но которым доверяла.

И Кай.

Разумный заражённый стоял в стороне, как всегда. Его красные глаза смотрели куда-то в лес, за забор, словно он уже чувствовал то, что ждало нас впереди. Я подошла к нему.

— Ты идёшь впереди, — сказала я. — Если почувешь тварей — дай знак.

Кай кивнул. Он вообще редко говорил, слова давались ему тяжело, словно Гниль забрала не только цвет его глаз, но

и часть голоса. Но он понимал всё. И, в отличие от многих, не боялся меня.

— Мэй, — хрипло сказал он, когда я уже разворачивалась.

— Что-то идёт. С севера.

Я замерла.

— Мутанты?

— Не знаю. Но неправильное что-то. Воздух другой.

Я посмотрела на север, где над верхушками сосен висели низкие облака. Ветер приносил оттуда запах сырой земли и чего-то ещё — едва уловимого, горьковатого. Как пепел.

— Следи, — сказала я. — И предупредишь, если что.

Кай снова кивнул, и я вернулась к группе.

— Выступаем через пять минут, — объявила я. — Проверьте оружие, воду, аптечки. В мёртвом городе не расхотеться, слушать мои команды. Вопросы?

Вопросов не было. Все знали правила. Все прошли через это не раз.

Я подняла голову и посмотрела на стену. Там, между зубцами забора, стояла Хоуп, держась за руку Коула. Девочка не махала, не кричала — просто смотрела, и этого взгляда хватило, чтобы моё сердце сжалось.

Я подняла руку — короткий жест «всё хорошо» — и отвернулась.

— Вперёд, — сказала я.

Ворота открылись. Группа шагнула в лес, на север, в серое утро, пахнущее дождём и тревогой.

Я не оглядывалась.

Глава 3. Мёртвый город

Лес встретил нас тишиной.

Не той мирной тишиной, что бывает в Солей ранним утром, когда даже чайки ещё не проснулись. Другой. Тяжёлой, вязкой, как вода в застойном болоте. Она давила на уши, заставляла сердце биться чаще, а пальцы — то и дело проверять рукоять ножа.

Я шла второй в цепочке, сразу за Каем. Разумный заражённый двигался бесшумно, его бледная фигура то появлялась между стволами, то исчезала в тени, и мне приходилось напрягать зрение, чтобы не потерять его из виду. За мной — Грэг, его тяжёлое дыхание и мерный хруст веток под сапогами. Дальше Джон, Самюэль, Кузнец с дробовиком наперевес, Терри, нервно озирающийся по сторонам, и остальные.

Десять человек. Десять жизней, за которые я отвечала головой.

Северное шоссе, по которому мы шли, когда-то было дорогим — настоящим, с асфальтом и разметкой. Теперь асфальт вспучило корнями деревьев, разломало на куски, засыпало прелой листвой и сосновыми иглами. Природа забирала своё, неспешно, но неотвратимо. Через десять лет здесь будет просто лес. Через двадцать — никто не вспомнит, что тут когда-то ездили машины.

Я смотрела под ноги, отмечая следы. Вот здесь прошёл

олень — отпечатки копыт во влажной земле. Вот лиса — мелкие, аккуратные следы, цепочкой уходящие в кусты. Мутантов пока не видно, но это ничего не значит. Они умели прятаться и умели ждать.

Кай остановился.

Я замерла, подняв руку. Цепочка за моей спиной тут же застыла — все знали этот жест. Тишина стала ещё глубже, если такое возможно. Даже ветер, казалось, притих, прислушиваясь вместе с нами.

Кай медленно повернул голову. Его красные глаза смотрели куда-то влево, в густой подлесок, где папоротники росли выше человеческого роста.

— Что там? — одними губами спросила я.

Он не ответил. Просто стоял и смотрел, и его бледное лицо казалось ещё бледнее в сером утреннем свете. Потом медленно покачал головой:

— Ушло. Далеко.

— Тварь?

— Не знаю. Не чувствую Гниль. Но что-то... неправильное.

Я выдохнула, заставляя себя расслабить плечи. «Неправильное» в устах Кая могло означать что угодно — от мутанта-одиночки до группы людей, которых он чуял, но не мог опознать. В любом случае, расслабляться было рано.

— Идём дальше, — сказала я. — Глаза держим открытыми.

Цепочка двинулась снова.

К полудню мы вышли к старой мельнице.

Она стояла на холме, чёрная, обгоревшая, с провалившейся крышей и пустыми глазницами окон. Когда-то здесь, наверное, мололи зерно — ещё до катастрофы, до Элизиума, до всего. Теперь от мельницы остался только остов, скелет, который ветер и дождь медленно доедали год за годом.

Я приказала сделать привал.

Люди рассыпались по поляне: кто-то сел прямо на землю, вытянув гудящие ноги, кто-то полез за флягой, кто-то просто стоял, привалившись спиной к дереву, и смотрел в серое небо. Грэг достал карту — потрёпанный, замусоленный лист, на котором мёртвый город был обведён красным кружком.

— Если пойдём этим темпом, к вечеру будем у восточной окраины, — сказал он, водя пальцем по карте. — Заночуем в лесу, на рассвете войдём.

Я кивнула. Ночью в мёртвый город соваться — самоубийство. Твари активны в темноте, а мы все знали, что даже днём там небезопасно.

— Что думаешь про сигнал? — спросил Грэг, сворачивая карту.

— Не знаю, — честно ответила я. — Может, люди. Может, ловушка. Может, просто случайность.

— А если люди? Будем контактировать?

Я задумалась. Это был сложный вопрос. За пять лет в Солей мы редко встречали чужаков — пара выживших, добрав-

шихся до побережья, несколько охотников, которые предпочли уйти дальше на юг. Никто не задерживался. Никто не просился в общину.

— Посмотрим, — сказала я. — Сначала поймём, кто они и сколько их. Если угроза, то уходим. Если нет... решим на месте.

Грэг хмыкнул, но спорить не стал. Он знал, что я не люблю неопределённость, но в мёртвых городах по-другому не бывало.

Я отошла к краю поляны, туда, где Кай сидел на поваленном стволе и смотрел в лес. Он не ел, не пил — просто сидел, как изваяние, и его красные глаза были устремлены куда-то за деревья.

— Ты как? — спросила я, опускаясь рядом.

Он не ответил сразу. Потом медленно повернул голову, и я увидела, как под бледной кожей ходят желваки — он боролся с Гнилью. Всегда боролся.

— Держись, — хрипло сказал он. — Пока.

— Если станет хуже — скажи.

— Скажу.

Я достала из кармана флягу, сделала глоток. Вода была тёплой, с металлическим привкусом, но это лучше, чем ничего. Кай смотрел на мои руки — на запястья, где под напульсниками прятались шрамы. Он знал, что там. Он видел однажды, когда я меняла повязку после рейда.

— Ты тоже держишься, — сказал он утвердительно.

— Держусь.

— Это... тяжело. Всё время держаться.

Я не нашлась, что ответить. Кай редко говорил так много, и каждое его слово было на вес золота. Он понимал. Как никто другой, он понимал, что значит жить с чем-то внутри, что медленно пожирает тебя изнутри.

— Я справлюсь, — сказала я наконец. — У меня есть ради кого.

Кай кивнул и снова отвернулся к лесу.

Мы вышли через час.

Лес постепенно менялся. Сосны уступали место чахлым вязам и кустарникам, земля под ногами становилась твёрже, каменистой. В воздухе появился новый запах — не просто сырость и прель, а что-то ещё. Слабый, едва уловимый сладковатый душок, от которого у меня свело желудок.

Кай почуял его раньше. Он поднял руку, и все замерли.

— Твари, — тихо сказал он. — Далеко. Но много.

— Насколько далеко?

— Километр. Может, два. На севере.

Я переглянулась с Грэгом. Север — это как раз туда, куда мы шли. Мёртвый город был в той стороне.

— Обойдём? — спросил Грэг.

— Не получится. С востока болота, с запада — скалы. Только через город.

— Тогда идём тихо.

Я кивнула и жестом приказала группе двигаться дальше.

Теперь все шли, стараясь не шуметь: ступали осторожно, обходили сухие ветки, придерживали оружие, чтобы не звякало. Кай ушёл вперёд, его фигура почти растворилась между деревьями.

Запах усиливался.

К вечеру мы вышли на окраину.

Мёртвый город начинался внезапно — просто лес кончился, и за рядом покорёженных, ржавых машин открылась улица. Когда-то здесь жили люди. Ходили на работу, в магазины, в школы. Смеялись, ссорились, любили. Теперь от их жизни остались только каркасы домов с пустыми глазницами окон, заросшие бурьяном тротуары и тишина.

Страшная, неестественная тишина.

Я стояла за ржавым автобусом и смотрела на город. Солнце уже клонилось к закату, и длинные тени от руин ползли по асфальту, как чёрные щупальца. Ветер гнал по улице обрывки бумаги и сухие листья. Где-то далеко, на севере, слышался низкий, утробный вой — твари перекликались между собой.

— Заночуем здесь, — сказала я, указывая на двухэтажное здание с уцелевшей крышей. — Выставим посты. В город войдём на рассвете.

Никто не спорил. Все устали, все хотели есть и пить, все мечтали снять с плеч рюкзаки и просто посидеть в тишине. Но тишины в мёртвом городе не бывает. Здесь даже ветер звучит иначе — как чьё-то дыхание за спиной.

Здание, которое я выбрала, оказалось бывшей аптекой. Уцелевшие полки, рассыпанные по полу пустые блистеры, битое стекло под ногами. Задняя комната была относительно целой — без окон, с одной дверью, которую можно было забаррикадировать. Я приказала размещаться здесь.

Грэг выставил первую смену караула: Джон и Самюэль у входа, Терри у чёрного хода. Остальные попадали на пол, подложив под головы рюкзаки и свёрнутые куртки. Я села у стены, положив арбалет на колени, и закрыла глаза.

Спать не хотелось. Вернее, хотелось, но я знала, что не усну — не здесь, не в этом месте, где каждый шорох заставлял сердце сжиматься. Вместо сна я слушала дыхание своих людей, далёкий вой тварей и собственные мысли.

Они всегда возвращались к одному и тому же.

Хоуп. Её лицо, когда я уходила. Её камешек в моём кармане. Хоул, стоящий на стене рядом с ней. Оливер, сжавший моё плечо у ворот.

Я сунула руку в карман и нащупала гладкий чёрный камешек. Он был тёплым — нагрелся от моего тела. Я сжала его в кулаке и попыталась представить, что сейчас делает Хоуп. Наверное, спит, свернувшись калачиком под одеялом. Или не спит — смотрит в потолок и ждёт, когда мама вернётся.

«Я вернусь», — мысленно пообещала я. — «Обязательно вернусь».

Ночь прошла без происшествий.

Дежурные менялись, твари были где-то вдалеке, но близко

не подходили. На рассвете я подняла группу, и мы, наскоро перекусив сухим пайком, двинулись вглубь города.

Улицы были пусты. Мёртвые машины, витрины магазинов с выбитыми стёклами, за которыми темнели пустые полки — всё ценное вынесли ещё в первые годы после катастрофы. Кости. Кое-где — человеческие, обглоданные, выбеленные солнцем. Я старалась не смотреть на них, но взгляд сам цеплялся за белые осколки, разбросанные по тротуарам.

Кай шёл впереди, его красные глаза обшаривали каждый закоулок. За ним — я, с арбалетом наготове. Грэг прикрывал тыл.

— Есть следы, — тихо сказал Кай, останавливаясь у перекрёстка.

Я подошла ближе. На земле, в пыли, действительно были следы — человеческие. Свежие. Неделя, может, две. И они вели вглубь города, к центру.

— Люди, — выдохнул Грэг за моей спиной. — Значит, сигнал не врал.

— Или врал, — сказала я. — Может, это ловушка. Может, здесь живут не те, с кем стоит знакомиться.

— Проверим?

Я задумалась. С одной стороны, мы пришли именно за этим — узнать, кто подаёт сигналы. С другой — вести группу вглубь мёртвого города, где полно тварей, ради встречи с неизвестными... Это был риск.

— Идём, — решила я. — Тихо. Если увидим людей —

сначала наблюдаем. Без моей команды никого не трогать.

Грэг кивнул, и цепочка двинулась по следам.

Они вели нас через мёртвый город, как путеводная нить. Перекрёсток за перекрёстком, улица за улицей. Иногда следы терялись на асфальте, но Кай находил их снова — он чувствовал запах, невидимый для нас. Человеческий пот, кожу, что-то ещё.

Город вокруг менялся. Мы уходили из спальных районов в промышленную зону — серые коробки складов, ржавые остовы станков, заборы с колючей проволокой. Здесь было ещё тише и мрачнее. Тени лежали гуще, и каждый закоулок казался ловушкой.

— Стойте, — вдруг сказал Кай.

Мы замерли. Он стоял, наклонив голову, как собака, прислушивающаяся к чему-то далёкому.

— Что? — шёпотом спросила я.

— Они близко. Люди. В том здании.

Он указал на трёхэтажное строение впереди — бывший заводской цех с выбитыми окнами и провалившейся крышей. Внутри было темно, но я заметила движение. Тень, мелькнувшую в глубине.

— За мной, — скомандовала я. — Рассредоточиться. Оружие держать наготове, но не стрелять без приказа.

Мы двинулись к цеху, прижимаясь к стенам, используя каждое укрытие. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, но голова была ясной. Так всегда бывало перед бо-

ем — страх уходил, уступая место холодной, расчётливой сосредоточенности.

У входа в цех я остановилась и жестом приказала Грэгу и Джону обойти здание с другой стороны. Кай остался со мной. Мы вошли первыми.

Внутри было темно и пахло гарью. Старые станки стояли рядами, как мёртвые звери. Где-то капала вода — мерный, гулкий звук, отдающийся эхом под высоким потолком. Я двигалась бесшумно, переступая через обломки и мусор, арбалет держала наготове.

Тень мелькнула снова — теперь ближе. Человеческая фигура, пригнувшаяся за станком.

— Выходи, — сказала я громко. — Мы не причиним вреда.

Тишина. Потом шорох, и из-за станка поднялась фигура. Это был мужчина. Худой, измождённый, с ввалившимися глазами и спутанной бородой. Одежда висела на нём мешком, в руках — ржавая труба. Он смотрел на нас с ужасом и надеждой одновременно.

— Вы... вы люди? — хрипло спросил он. — Настоящие?

— Настоящие, — ответила я, опуская арбалет. — Кто вы? Сколько вас?

Мужчина всхлипнул и вдруг рухнул на колени, уронив трубу.

— Помогите, — прошептал он. — Пожалуйста, помогите. Мы не можем выбраться. Они повсюду. Они ждут.

Я подошла ближе, стараясь не делать резких движений. Мужчина дрожал, как в лихорадке, его глаза бегали по нашим лицам.

— Кто «они»? — спросила я. — Твари?

— Да. Много. Они окружили город. Мы застряли здесь. Нас было двенадцать, теперь шестеро. Остальных... — он замолчал, и его лицо исказила гримаса ужаса.

Я переглянулась с Каем. Разумный заражённый стоял в стороне, и мужчина, заметив его красные глаза, отшатнулся с криком:

— Это тварь! У вас тварь!

— Он свой, — резко сказала я. — Он не причинит вреда. Успокойся.

Мужчина недоверчиво смотрел на Кая, но спорить не стал — слишком был измучен.

— Где остальные? — спросила я.

— В подвале. Мы прячемся там, когда твари близко. Они выходят на охоту по ночам, днём редко. Но сегодня... сегодня они будто ждут чего-то. Собрались на севере, у старого торгового центра. Мы слышали их вой всю ночь.

Я кивнула и жестом приказала Грэгу, который уже вошёл в цех с другой стороны, проверить подвал. Через несколько минут он вернулся с пятью выжившими — такими же измученными, грязными, испуганными. Двое мужчин, три женщины. Одна из них, совсем молодая девушка, прижимала к груди рваный рюкзак и смотрела на нас огромными, полны-

ми слёз глазами.

— Мы выведем вас, — сказала я. — Но сначала расскажите всё, что знаете о городе. О тварях. О том, что здесь происходит.

Мужчина, которого, как оказалось, звали Маркус, рассказал.

Они пришли в мёртвый город месяц назад, искали убежище. Сначала всё было тихо. Твари встречались редко, одиночками. Они нашли этот цех, укрепились, начали собирать припасы. Но потом что-то изменилось.

Твари стали появляться чаще. Они будто координировались — нападали группами, окружали, загоняли в ловушки. Маркус говорил, что никогда не видел такого поведения у мутантов. Они были организованы.

— Там, далеко на севере, есть что-то, — сказал он, и его голос дрогнул. — Говорили, ущелье. Мы не ходили туда, боялись. Но оттуда идёт запах смерти. И ещё оттуда приходят они.

— Кто «они»? — спросил Грэг.

— Не просто твари. Другие. Большие. Умные. Я видел одну, ночью, в развалинах. Она смотрела на меня, и я понял — она думает. Понимаете? Думает, как человек.

По моей спине пробежал холодок. Ущелье. Это слово прозвучало как приговор. Я вспомнила Элизиум, Кассиана, Ущелье, куда сбрасывали «отработанный материал». Ущелье, где Кассиан проводил свои чудовищные опыты.

Неужели они здесь? В этом городе?

— Мы должны уходить, — сказала я. — Сейчас, пока твари на севере, у нас есть шанс проскочить.

— А как же припасы? — спросил Терри. — Мы шли сюда за консервами и медикаментами.

— Припасы подождут. Сначала люди.

Я развернулась к выходу, но Кай вдруг замер, подняв руку. Его красные глаза расширились.

— Поздно, — сказал он.

И в этот момент снаружи донёсся вой.

Не одиночный. Множество глоток, сливающихся в один леденящий кровь хор. Вой приближался, накатывал, как волна, и в нём слышались голод, ярость и что-то ещё — дикая, первобытная радость охотника, почуявшего добычу.

— Баррикадируйте входы! — крикнула я. — Все внутрь! Живо!

Люди бросились выполнять приказ. Грэг и Кузнец потащили к дверям тяжёлые станки, Джон и Самюэль заняли позиции у окон. Выжившие, которых мы только что нашли, сбились в кучу в углу — их лица были белыми от ужаса.

Я встала у входа, вскинув арбалет. Сердце колотилось где-то в горле, но руки были твёрдыми. Кай стоял рядом, его бледное лицо казалось высеченным из камня.

— Сколько их? — спросила я.

— Много. Больше двадцати. И... — он замолчал, принимаясь. — С ними кто-то ещё. Большой. Очень большой.

Первый удар в дверь сотряс здание.

Доски затрещали, но выдержали. Я увидела в щель красные глаза, полные безумной ярости, и длинные когтистые лапы, скребущие по металлу. Тварь снаружи завывала, и ей ответили десятки глоток.

— Держать двери! — крикнул Грэг, наваливаясь на баррикаду плечом.

Второй удар. Третий. Доски трещали, гвозди вылетали из гнёзд. Я понимала: долго мы не продержимся. Нужно было что-то делать.

— Кай! — позвала я. — Есть другой выход?

— Задняя дверь. Но там тоже твари. Меньше, но есть.

— Сколько?

— Три. Может, четыре.

Я быстро оценила ситуацию. Двадцать тварей у главного входа, четыре у чёрного. Если прорываться, то только там. Но успеем ли мы? Хватит ли у нас сил?

— Грэг! — крикнула я. — Уводи людей через заднюю дверь! Мы с Каем прикроем!

— Ты с ума сошла?! — рявкнул он в ответ. — Я тебя не оставлю!

— Это приказ! Уводи их! Встретимся у старой мельницы, если получится!

Грэг хотел возразить, но новый удар в дверь заставил его замолчать. Доски треснули, и в щель просунулась когтистая лапа, царапая воздух. Кузнец выстрелил из дробовика почти

в упор, и тварь с воем отпрыгнула, но на её место тут же встала другая.

— Уходи! — заорала я. — Быстро!

Грэг выругался сквозь зубы, но подчинился. Он махнул рукой остальным, и люди начали отступать к задней двери, таща за собой выживших.

Мы с Каем остались вдвоём.

Я перезарядила арбалет, прицелилась в щель между досками и спустила крючок. Болт вошёл точно в красный глаз — тварь взвыла и рухнула, но её тут же оттащили в сторону, и на её месте возникли новые. Они лезли, как тараканы, безумные, голодные, не знающие страха.

— Мэй, — тихо сказал Кай. — Я останусь. Ты иди.

— Нет.

— Я всё равно... долго не протяну. Гниль... она растёт. Я чувствую. Дай мне уйти... с пользой.

Я посмотрела на него. В красных глазах Кая не было страха — только усталость и странное, почти человеческое спокойствие. Он знал, что умирает. Знал давно. И хотел, чтобы его смерть имела смысл.

— Кай...

— Иди, — повторил он. — У тебя дочь. У меня никого. Уходи.

Сзади послышался грохот — это Грэг и остальные выбили заднюю дверь и вступили в бой с тварями, окружившими здание. Крики, выстрелы, вой мутантов — всё смешалось в

один оглушительный шум.

Я сжала руку Кая — холодную, с длинными, чуть загнутыми ногтями, почти когтями.

— Спасибо, — сказала я. — За всё.

Он кивнул и отвернулся к двери.

Я побежала.

Сзади раздался треск ломающихся досок, вой тварей, ворвавшихся внутрь, и низкий, утробный рык Кая — он принимал бой.

Я не оборачивалась.

У задней двери кипел бой. Грэг и Кузнец отбивались от трёх тварей, Джон лежал на земле, прижимая руку к рваной ране на плече, Самюэль прикрывал его, стреляя из арбалета. Выжившие жались к стене, их лица были белыми от ужаса.

Я вскинула арбалет и выстрелила в ближайшую тварь. Болт попал в шею, мутант захрипел и рухнул, но две другие уже заметили меня и бросились в атаку.

Первая прыгнула, целясь в горло. Я упала на спину, выставив нож, и тварь сама насадилась на лезвие. Горячая, воющая кровь хлынула мне на лицо и грудь. Вторая тварь была уже рядом, её когти рассекли воздух в дюйме от моего лица — но тут грохнул выстрел, и голова мутанта разлетелась кровавыми ошмётками.

Кузнец стоял над ней с дымящимся дробовиком.

— Вставай! — рявкнул он, протягивая мне руку.

Я вскочила, огляделась. Твари у задней двери были мерт-

вы, но из цеха доносился вой и звуки борьбы — Кай ещё держался.

— Уходим! — крикнула я. — Быстро, пока остальные не подтянулись!

Мы побежали. Сзади слышался треск, вой и чей-то крик — не Кая, а человеческий. Кто-то из выживших споткнулся, упал. Я не останавливалась. Не могла. Если я остановлюсь — погибну.

Мы бежали через мёртвый город, петляя между руинами, перепрыгивая через обломки и ржавые останки машин. Твари преследовали нас — их вой раздавался то слева, то справа, совсем близко, за спиной. Они загоняли нас, как дичь.

— Сюда! — крикнул Грэг, сворачивая в узкий проулок.

Мы нырнули в щель между домами, и тут из-за угла выскочила тварь. Огромная, больше всех, что я видела раньше. Её красные глаза горели в полумраке, как угли, а из пасти, полной кривых зубов, капала слюна.

Она бросилась на меня.

Я не успела поднять арбалет. Тварь сбила меня с ног, прижала к земле, её когти впились в плечи, прорывая куртку и кожу. Боль была ослепляющей, я закричала, пытаюсь дотянуться до ножа, но тварь была слишком тяжёлой, слишком сильной.

Её пасть раскрылась над моим лицом. Я видела её глотку, зубы, красные глаза, полные голода. И в этот момент я поняла: это конец. Я не успею. Я умру здесь, в этом проклятом

городе, и никогда больше не увижу Хоуп.

А потом раздался выстрел.

Тварь дёрнулась, из её груди хлынула кровь, и она рухнула на меня всей своей тушей. Я задохнулась под её весом, пытаюсь выбраться, но сил не было.

Чьи-то руки оттащили тварь в сторону. Я увидела лицо Грэга — бледное, в крови, но живое.

— Вставай! — прохрипел он. — Вставай, Мэй!

Он рывком поднял меня на ноги, и мы побежали снова.

Я не помню, как мы выбрались из города.

Помню только лес, серый, мокрый, пахнувший прелью и дымом. Помню, как упала на колени у старой сосны и меня вырвало. Помню лица своих людей — измученные, в крови, но живые.

Грэг, Кузнец, Самюэль, Терри, ещё четверо охотников. И трое выживших из шести — Маркус, молодой парень по имени Лиам и та девушка с рюкзаком, которую звали Эшли.

Джон погиб. Кай остался в цехе.

Мы потеряли двоих.

Я сидела на земле, привалившись спиной к сосне, и смотрела на свои руки. Они были в крови — моей, тварей. Шрамы на запястьях, старые, побелевшие, проступали под грязью и кровью, как напоминание. Как проклятие.

Грэг опустился рядом, протянул флягу с водой и полоску ткани.

— Затяни потуже, — буркнул он. — Шевелиться смо-

жешь?

— Да, — ответила я, но не двинулась с места.

Я смотрела на лес, на серое небо, на своих людей, и думала о Кае. О том, как он остался там, в темноте, один против стаи. О его красных глазах, в которых не было страха. О его словах: «У тебя дочь. У меня никого».

Он отдал свою жизнь за нас. За меня. За Хоуп.

Мы двинулись на юг, к Солей. К дому. К тем, кто ждал.

Но перед уходом я в последний раз оглянулась на мёртвый город. Его руины темнели за деревьями, и оттуда всё ещё доносился далёкий, утробный вой. Твари праздновали победу. Или искали нас.

И ещё я увидела кое-что.

На окраине города, у самого леса, поднимался дым. Не от пожара, а тонкий, ровный, как от костра. Там кто-то был. Кто-то жёг огонь в мёртвом городе, полном тварей.

Люди.

Я не знала, кто они. Может, ещё одна группа выживших, как Маркус и его спутники. Может, кто-то другой. Но где-то глубоко внутри, в той части души, которую я старалась не тревожить, шевельнулось странное, тёмное предчувствие.

Я отвернулась и пошла за своими.

Мы шли через лес, мокрые, грязные, израненные. Маркус и его спутники едва держались на ногах — месяц в осаде истощил их до предела. Терри поддерживал Эшли, которая всё ещё прижимала к груди свой рваный рюкзак. Грэг тащил

на себе раненого Самюэля — тварь задела ему ногу, и он хромал, опираясь на плечо товарища.

Я шла последней, прикрывая тыл. Плечи горели от когтей твари, куртка промокла от крови, но я не чувствовала боли. Только пустоту. Ту самую, знакомую, которая всегда приходила после боя.

Мы потеряли Кая. Мы потеряли Джона. Мы нашли выживших, но какой ценой?

— Привал, — скомандовала я, когда мы отошли достаточно далеко от города.

Люди попадали на землю, не в силах идти дальше. Я осталась стоять, опираясь на ствол дерева, и смотрела на север. Туда, где остался мёртвый город. Туда, где поднимался дым чужого костра.

Кто они? Те, кто выжил в этом аду? Или те, кто устроил засаду, загнав нас в ловушку?

Я не знала. Но я знала одно: мы вернёмся. Рано или поздно. Слишком много вопросов осталось без ответа. Слишком много тайн хранил этот проклятый город.

И где-то там, за горизонтом, лежало Ущелье. То самое, о котором говорил Маркус. То самое, откуда приходили «другие» твари.

Неужели прошлое снова догнало нас?

Я сжала в кармане чёрный камешек — подарок Хоуп. Тёплый, гладкий, с белой прожилкой. Он был единственным, что связывало меня с домом, с дочерью, с нормальной жизнью.

нюю, которой у меня никогда не было.

— Мы идём, — сказала я, оборачиваясь к группе. — В город. На разведку. Узнаем, что там за сигнал, и вернёмся.

— А припасы? — спросил Грэг.

— Припасы подождут. Если там люди, мы должны знать, кто они. Если твари — тем более. Я не хочу, чтобы Солей застали врасплох.

Никто не возразил. Даже Терри, который трясся от страха, только кивнул. Они знали: я не посылаю их туда, куда не готова пойти сама.

Я посмотрела на север, где в серой дымке угадывались очертания мёртвого города. Сердце колотилось где-то в горле, но голос не дрожал.

— Выступаем через десять минут, — сказала я. — Проверьте оружие. В городе не расслабляться ни на секунду.

Мы двинулись вперёд, оставляя за спиной безопасность леса. А мёртвый город ждал. Его молчание было обманчивым. Я знала: это только начало. Твари не остановятся. Но теперь мы шли не за припасами.

Мы шли за правдой.

И эта правда могла нас убить.

Глава 4. Эхо Элизиума

Мы шли по мёртвому городу уже второй час, и тишина начинала давить. После того как мы выбрались из подъезда, где отсиживались до темноты, я повела группу в обход — по дворам, через подвалы, по разбитым переулкам, где тварям было труднее устроить засаду. Кай не вернулся. Я не позволяла себе думать об этом. Не сейчас. У меня и без того голова шла кругом от осознания, что мы вляпались по самую макушку.

— Мэй, — Грэг догнал меня, положил руку на плечо. — Нам нужно найти место для привала. Люди вымотаны.

Я оглянулась. Терри еле плёлся, опираясь на Кузнецца. Глаза провалились, лица посерели от усталости и страха. Ещё четверо охотников тащились сзади, периодически оглядываясь. Прекрасно. Полный комплект: раненый, уставший, напуганный. И командир, которая понятия не имеет, где они находятся.

— Ещё немного, — сказала я. — Нам нужно отойти подальше от того места.

— Мы уже отошли. Час плутаем.

Я хотела возразить, но поняла, что он прав. Я вела их наугад, полагаясь на чутьё, но чутьё молчало. Город был пуст — слишком пуст. Словно все твари собрались в одном месте и ждали. Или прятались. Или уже наелись и теперь перева-

ривали обеды, в роли которых, возможно, должны были выступить мы.

— Вон то здание, — я кивнула на трёхэтажный дом с сохранившейся крышей. — Проверим.

Дом оказался бывшей гостиницей. Вестибюль завален обломками, но лестница уцелела. Мы поднялись на второй этаж, нашли комнату с целыми окнами — их можно было использовать для наблюдения. Как мило. Номер с видом на апокалипсис.

— Отдыхайте, — приказала я. — Два часа. Потом идём дальше.

Грэг выставил караулы. Я села у окна, прислонившись спиной к стене, и закрыла глаза. Не спать. Только передохнуть.

Перед глазами всё ещё стоял Кай. Его фигура посреди площади, окружённая тварями. Он смотрел на меня — я запомнила этот взгляд. Красные глаза, в которых не было страха. Только спокойствие и прощание.

Я сжала кулаки. Ногти впились в ладони. Боль помогла отогнать картинку. Замечательно. Ещё один человек, погибший из-за меня. Можно открывать счёт.

— Мэй, — кто-то из охотников — кажется, его звали Лени — присел рядом, протянул флягу. — Пей.

Я сделала глоток. Вода была с привкусом ржавчины и, кажется, безнадёги.

— Как думаешь, Кай выжил? — спросил он.

— Не знаю.

— Он разумный. Может, он просто затерялся.

— Может, — сказала я, хотя внутри всё кричало, что Кай пожертвовал собой. Ну конечно, затерялся. В городе, кишашем тварями. А потом выйдет из-за угла с букетом цветов и скажет: «Простите, заблудился в подземных переходах, нашёл тут консервы».

Ленни помолчал, потом ушёл. Я осталась одна.

За окном серело небо — приближался рассвет. Мёртвый город просыпался. Я смотрела на каркасы зданий, на чёрные провалы окон, и думала о том, что мы влезли в осиное гнездо. И нужно выбирать. Но сначала нужно найти ответы. Или хотя бы понять, где, чёрт возьми, находится восточный сектор.

Через два часа мы двинулись дальше.

Я решила идти к восточному сектору, как и планировали изначально. Припасы никуда не делись, а сигнал мог подождать. Если там люди, они не исчезнут за день. А если твари — тем более. Твари обычно терпеливые. И голодные.

— Смотрите, — Терри указал на стену ближайшего здания.

Я подошла ближе. На кирпичной кладке кто-то нацарапал знак — не символ мутантов, не предупреждение. Стрелка, указывающая вперёд, и буквы: «БЕГИ».

— Будто недавно нарисовали, — сказал Грэг, проведя пальцем по царапинам. — Края не успели заплыть пылью.

— Кто-то был здесь. И хотел предупредить.

— Или заманить в ловушку, — мрачно заметил я.

— Оптимистка, — буркнул Грэг.

Я посмотрела вперёд, куда указывала стрелка. Улица уходила под уклон, к сердцу города. Там, в туманной дымке, угадывались более высокие здания — возможно, бывший деловой центр. Прекрасное место для засады. Или для экскурсии. Почему бы и нет?

— Идём по стрелке, но осторожно, — решила я. Потому что у меня, видимо, совсем не осталось инстинкта самосохранения.

Мы двинулись. Улица расширилась, превратившись в проспект. По бокам — витрины магазинов, выбитые и пустые, фонарные столбы, поваленные, как спички. И тишина. Та же самая, давящая тишина, которая предшествовала первой атаке. Я уже начинала ненавидеть эту тишину. И город. И себя за то, что не осталась дома с Хоуп.

Я подняла руку, приказывая остановиться.

— Что? — прошептал Грэг.

— Слишком тихо.

— Ты уже говорила. В прошлый раз это тоже не помогло.

— Заткнись.

Я прислушалась. Ничего. Ни ветра, ни шагов, ни дыхания. Только моё сердце, колотящееся где-то в горле. И где-то далеко — капающая вода. Кап-кап-кап. Словно город отсчитывал время до нашей смерти.

— Назад, — сказала я. — Быстро.

Но было поздно. Моя интуиция работает с таким опозданием, что лучше бы она вообще молчала.

Они вырвались из подземного перехода в двадцати метрах впереди — десятки красных глаз в утреннем сумраке. Быстрые твари с длинными конечностями. Они не кричали, не рычали, а просто бежали. Бесшумно, как призраки. Очень вежливые призраки, которые не хотят нарушать тишину перед тем, как сожрать тебя заживо.

— В здание! — заорала я, хватая за шкурку замешкавшегося Терри. — Вон туда!

Мы бросились к ближайшему входу — бывшему торговому центру, судя по широким дверям. Грэг и Кузнец влетели первыми, начали баррикадировать вход обломками мебели. Я стреляла из арбалета, прикрывая отход.

Болт вошёл в грудь ближайшей твари, она рухнула, но остальные перепрыгнули через неё. Их было слишком много. Слишком. Я уже начинала считать — двадцать, тридцать, пятьдесят. А потом сбилась, потому что они всё лезли и лезли.

— Быстрее! — крикнула я, пятась к дверям.

Кузнец выстрелил в упор из дробовика, разmozжив голову твари, которая почти добралась до меня. Чёрная кровь брызнула на лицо, я вытерла её рукавом. Отлично. Теперь я ещё и воняю. Как же я соскучилась по дому.

— Заходи!

Мы ввалились внутрь. Грэг и Кузнец навалились на дверь, подпирая её стойкой от рекламного щита. Снаружи заскрежетали когти — твари пытались пролезть.

— Держите! — рявкнул Кузнец.

Я огляделась. Торговый центр был огромен — эскалаторы, уходящие вверх, галереи, витрины. И тишина. Но не та, что снаружи. Здесь пахло смертью — сладковато, приторно. Пахло так же, как в Элизиуме перед тем, как Дэмиан входил в мою комнату.

— Здесь тоже есть твари, — прошептал Терри.

— Не каркай, — оборвал его Грэг.

— Он прав, — сказала я. — Я чую запах. И это не «Шанель №5», между прочим.

— Что делать?

Я посмотрела наверх. Эскалаторы вели на второй, третий этажи. Там могли быть выходы на крышу или запасные лестницы. Или ещё больше тварей. Вариантов, как всегда, два — плохой и очень плохой.

— Наверх, — сказала я. — Быстро и тихо.

Мы двинулись к эскалатору. Я первой ступила на неподвижные ступени, держа арбалет наготове. Прекрасная утренняя прогулка. Не хватает только кофе и круассана.

На втором этаже было темно. Окна забиты, света почти нет. Я достала фонарик — маленький, светодиодный, чудом работающий от старых батареек. Луч выхватил из темноты ряд пустых вешалок, мёртвые манекены, разбитые витрины.

Манекены, кстати, выглядели почти так же жутко, как твари. Но у них хотя бы не было красных глаз.

— Чисто, — прошептала я, но чутьё вопило: нет. Не чисто. Идиотка ты, Мэй. Никогда не бывает чисто.

Мы пересекли второй этаж, подошли к эскалатору на третий. И тут Терри споткнулся.

Он упал, задел какой-то мусор, и тот с грохотом покатился вниз по ступеням.

— Твою мать, — выдохнул Грэг. — Терри, ты идиот?

— Я не нарочно, — проскулил тот.

Снизу донёсся рык. Не один — десятки. Твари внизу услышали. И, кажется, обрадовались.

— Бегом! — заорала я.

Мы рванули наверх. Я бежала первой, перепрыгивая через ступени, сжимая арбалет. Сердце колотилось где-то в горле. Лёгкие горели. В голове билась одна мысль: «Почему я не осталась в Солей? Почему я не могу просто сидеть дома и печь хлеб, как нормальные люди?»

На третьем этаже нас ждали они.

Они вылезли из-за углов, из магазинов, из служебных помещений. Несколько десятков — те же быстрые, длиннорукые, с красными глазами. Они не нападали — стояли, перекрывая путь к лестнице на крышу. Смотрели. Ждали. Словно знали, что мы придём.

Я остановилась. Грэг, Кузнец, Терри, Ленни и второй охотник — встали за мной. Остальные прятались за ними.

Сзади, снизу, доносился топот — те твари уже поднимались по эскалатору.

Мы были в ловушке.

— К стене! — скомандовала я. — Спинной к стене!

Мы прижались к бетонной колонне. Я перезарядила арбалет. Болтов осталось шесть. У Грэга — три патрона в дробовике. У Кузнеца — два. У остальных — ножи и молитвы.

А тварей были десятки.

— Если мы умрём, — сказал Грэг, передёргивая затвор, — я хочу, чтобы ты знала: я не жалею, что пошёл с тобой.

— Скажешь это ещё раз — пристрелю сама, — буркнула я. — Не умрём.

Я сама не верила в это. Но надо было хоть что-то сказать.

Твари двинулись медленно, словно наслаждаясь нашим страхом. Красные глаза горели в полумраке, как угли. Я подняла арбалет, целясь в ближайшую. Рука не дрожала. Ненавижу их. Ненавижу этот город. Ненавижу себя за то, что втянула сюда людей.

— Прощай, Хоуп, — прошептала я. — Мама дура.

И в этот момент сзади, со стороны лестницы на крышу, раздался взрыв.

Грохот был такой силы, что я пригнулась, закрывая голову руками. Твари замерли, повернувшись на звук. Сверху посыпалась штукатурка.

— Что за... — начал Грэг.

Из темноты вылетела граната. Она упала в гущу тварей и

взорвалась, разбрасывая осколки и кровавые клочья.

— Ложись! — заорала я.

Над головой засвистели пули. Автоматные очереди — длинные, прицельные. Кто-то стрелял сверху, с галереи четвёртого этажа. Профессионально, с перекрытиями, без паники.

— Держать строй! — раздался голос. Мужской, хриплый, властный. — Не дайте им окружить!

Голос. Этот голос. Я узнала бы его из тысячи. Из миллиона. Из самого ада.

Я подняла голову. С галереи спускались люди. Пятеро, шестеро, семеро — я не могла сосчитать, мельтешили тени. В потрёпанной одежде, с автоматами и дробовиками. Они били на поражение, слаженно, как хорошо обученный отряд.

Твари заматались. Атака с двух сторон сломала их строй. Часть бросилась на новых врагов, часть — на нас.

— Стреляйте! — крикнула я, вскидывая арбалет.

Бой превратился в кровавую кашу. Я стреляла, перезаряжалась, стреляла снова. Рядом Грэг разрядил дробовик в морду твари, та разлетелась, но на её месте появились две. Кузнец рубился ножом, прикрывая Терри, который вжимался в стену с ножом в дрожащей руке.

Я не видела, что происходит сверху — только слышала выстрелы и крики. Автоматные очереди косили тварей десятками, но их было слишком много. Они лезли отовсюду — с эскалатора, из магазинов, из вентиляционных шахт.

— Мэй, у меня кончились патроны! — крикнул Грэг.

Я огляделась. У меня осталось два болта. У Кузнеца — один патрон. У Ленни — нож. Тварей всё ещё были десятки.

— Мы не выберемся, — прошептал Терри.

Я замерла. Внутри разрастался холод. Он был прав. Мы не выберемся. Ирония судьбы — нас спасают от одной стаи, чтобы сожрала другая.

И в этот момент сверху, с галереи, кто-то прыгнул вниз. Прямо в гущу тварей. Высокий, худой, с автоматом наперевес. Он двигался быстро, точно, косил тварей очередями, уворачивался от когтей, бил прикладом, стрелял в упор.

Я смотрела на него и не верила своим глазам.

Тёмные волосы, тронутые сединой на висках. Осунувшееся лицо, глубокие тени под глазами. Шрам через левую бровь — свежий, ещё розовый.

Дэмиан.

Он был здесь.

Сегодня просто день сюрпризов.

Мир рухнул. Земля ушла из-под ног. Я перестала слышать выстрелы, крики, рычание — только колотящееся сердце и шум в ушах. И внутренний голос, который издевательски шептал: «Ну что, Мэй, как тебе экскурсия? Получила, что хотела?»

Он сражался рядом с нами. Не глядя на меня — просто бил тварей, прикрывая нашу группу. Его люди спустились следом, и теперь бой кипел со всех сторон.

Я стояла, прижавшись спиной к колонне, и не могла пошевелиться. Арбалет выпал из рук. Болты рассыпались по полу. Потому что, конечно, в самый ответственный момент у меня отнимаются ноги и руки. Спасибо, организм.

— Мэй! — Грег тряс меня за плечо. — Мэй, ты чего? Надо помогать!

Я не слышала. Я смотрела на него.

Дэмиан повернулся. На секунду — всего на секунду — его взгляд скользнул по нашей группе. И остановился на мне.

Я видела, как он замер. Как автомат опустился. Как лицо — осунувшееся, измождённое, с глубокими тенями под глазами — исказилось.

В его глазах не было той безумной одержимости, которую я помнила. Не было собственничества, не было ярости.

Была огромная, всепоглощающая боль. И что-то ещё, чему я не могла подобрать названия. Раскаяние? Отчаяние? Или просто хорошая игра?

Он узнал меня. В ту же секунду, как я узнала его.

— Командир, уходим! — Патроны кончились! — крикнул кто-то из его людей, с досадой отбрасывая бесполезный автомат и выхватывая нож.

Дэмиан не двинулся. Он смотрел на меня, и я видела, как его губы шевельнулись — он произнёс моё имя. Я не услышала, но прочитала по губам.

«Мэй».

Внутри меня что-то оборвалось. Пять лет ненависти, пять

лет кошмаров, пять лет попыток забыть — всё это схлынуло на секунду, оставив только пустоту. А потом вернулась ярость. Ослепляющая, обжигающая ярость. Как тогда, в лесу, когда я бежала от него, сжимая в руке нож. Как тогда, в Элизиуме, когда он входил в мою комнату ночью.

— Мэй, бежим! — Грэг схватил меня за руку и потащил. Я не сопротивлялась. Ноги двигались сами, не слушаясь. Я смотрела на Дэмиана, пока он не скрылся в темноте.

Он спас нас. Он спас меня.

Почему? Ну, кроме очевидного ответа «потому что он хочет снова запереть меня в клетке». Но это было бы слишком просто. И слишком по-старому.

Мы выбрались на крышу через запасную лестницу. Люди Дэмиана прикрывали отход, отстреливаясь от тварей. Я не видела его — он остался внизу, или ушёл другой дорогой.

На крыше было ветрено. Серое утро встретило нас холодом и запахом дыма. Где-то внизу горело здание — пожар, начавшийся от взрывов.

— Сюда! — крикнул один из людей Дэмиана, указывая на пожарную лестницу на соседнем здании.

Мы перебежали по шаткому переходу, потом спустились вниз, в другой двор. Люди Дэмиана вели нас быстро, уверенно, словно знали город как свои пять пальцев.

Я не задавала вопросов. Не могла. В голове была пустота и одновременно хаос. Образы перемешивались: его лицо, цепи, кошмары, его руки, спасающие меня от тварей.

Мы остановились в подвале какого-то дома. Люди Дэмиана выставили караулы, проверили выходы. Я сидела в углу, обхватив колени, и смотрела в одну точку.

— Мэй, — Грэг сел рядом. — Ты как?

— Нормально.

— Ты побледнела, когда увидела того мужика. Ты его знаешь?

Я помолчала. Потом сказала:

— Когда-то давно. В другой жизни.

— И кто он?

— Никто, — я отвернулась к стене. — Просто никто.

Грэг посмотрел на меня долгим взглядом. Я чувствовала, что он не верит, но он не стал давить.

— Ладно, — сказал он. — Не хочешь — не говори. Но он спас нас.

— Я заметила.

Грэг вздохнул, хлопнул меня по плечу и отошёл. Я осталась одна, чувствуя на себе его взгляд — не осуждающий, скорее обеспокоенный. Но он не спрашивал больше. И за это я была ему благодарна.

Я закрыла глаза и попыталась успокоиться. Не получалось. Перед глазами всё ещё стоял он — осунувшийся, заматеревший, с сединой на висках.

Он изменился. Или нет? Или это новая, более изощрённая ловушка? «Сначала спаси, потом войди в доверие, потом ударь побольнее». Классика жанра.

Через час один из людей Дэмиана — невысокий мужчина с коротким ёжиком рыжих волос — подошёл ко мне.

— Мэй? — спросил он. — Меня зовут Бен. Командир просил передать, что хочет поговорить с тобой.

— Передай ему, что я не хочу. И что он может идти в известном направлении.

— Он сказал, что ты так ответишь. И просил передать, что это важно. Насчёт орды.

Я подняла голову.

— Какой орды? У нас тут, блин, экскурсионный тур? Орды тварей, орды незнакомцев?

— Твари, на которых вы нарвались — это только разведка. Основные силы идут с севера. Командир знает, откуда они и как их остановить. Но для этого нужно объединиться.

Я сжала кулаки.

— Он хочет, чтобы мы объединились? После всего, что он сделал? Вы в курсе, кто он?

Бен посмотрел на меня без осуждения. Только устало. Устало человека, который слишком много видел и слишком мало спал.

— Я не знаю, что он сделал. И, честно говоря, мне всё равно. Но я знаю, что он изменился. Пять лет он тащит нас по мёртвым землям, ищет место, где можно жить. Он не тот, кем был в Элизиуме. Поверь.

— Не верю. Ирония в том, что вы, похоже, тоже не очень-то ему верите — раз до сих пор скитаетесь.

— Твоё право, — Бен пожал плечами. — Но поговорить стоит. Если не ради него, то ради своих людей. У них есть семьи? Дети?

Я промолчала. У меня была Хоуп. И ради неё я была готова на многое. Даже на разговор с монстром.

Он ушёл. Я осталась сидеть, глядя на стену, и чувствовать, как внутри разгорается огонь ненависти.

Он пришёл сам через полчаса.

Я сидела в углу подвала, когда дверь открылась и впустила полосу серого света. Его силуэт появился на пороге.

— Можно? — спросил он.

— А если я скажу нет, ты уйдёшь?

— Нет.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он вошёл, остановился в нескольких метрах. Люди Дэмиана и мои — все смотрели на нас. Я чувствовала их взгляды. Ну да, представление. Билеты не нужны.

— Мэй, — сказал он.

Его голос. Такой же, как в кошмарах. Низкий, хриплый, с надрывом. Я почувствовала, как по спине побежали мурашки.

— Не называй меня так, — выдавила я. — Для тебя — на «вы».

Он замолчал. Потом сказал тихо:

— Я не причиню тебе вреда.

— Ты уже причинил. Хватило на всю жизнь. И на следу-

ющую тоже, если она у меня будет.

Он опустил голову. Я видела, как сжались его челюсти.

— Знаю.

— Зачем ты спас нас?

— Не мог иначе.

— Врёшь.

— Нет, — он поднял голову, посмотрел мне в глаза. — Я не мог смотреть, как ты умираешь. Даже после всего. Даже зная, что ты ненавидишь меня.

Я почувствовала, как дрожат руки. Как сердце колотится где-то в горле.

— Ты не имеешь права...

— Знаю, — перебил он. — Не имею. Но я всё равно это сделал. И сделаю снова, если понадобится. Хочешь — смейся, хочешь — ненавижь.

Я смотрела на него и не узнавала. Тот Дэмиан, которого я помнила, никогда бы не сказал таких слов. А этот... этот стоял передо мной с опущенными плечами и смотрел так, словно я была его последним приговором. Или последней надеждой.

— Что тебе нужно? — спросила я.

— Поговорить. Объяснить.

— Объяснить что? Что ты изменился? Что ты раскаиваешься?

— Да, — сказал он просто.

Я усмехнулась.

— Ты думаешь, я поверю? После пяти лет кошмаров? После того, что ты сделал со мной?

— Нет. Но я должен попытаться. Не ради себя.

Он сел на ящик напротив меня. Не приближаясь — просто сел, положил руки на колени.

— После того как ты ушла... после того как я узнал правду об отце... я разрушил Элизиум. Сам. Открыл людям глаза, показал, что творилось в Ущелье. Отец погиб. Не я его убил, но я привёл его толпе.

Я молчала.

— После этого я пытался построить новое поселение. Честное, без культов и жертв. Но у меня не получилось. Люди не верили мне. А потом пришли химеры — те самые твари, что вырвались из Ущелья. Они уничтожили всё. Я спас только тех, кто сейчас со мной.

— И ты хочешь, чтобы я пожалела тебя? Чтобы я сказала: «Бедный Дэмиан, как тебе тяжело»?

— Нет, — он покачал головой. — Я не прошу жалости. Я просто рассказываю факты.

— Зачем? Чтобы оправдаться?

— Я не оправдываюсь. Мне нечем оправдаться. Я просто хочу, чтобы ты знала: я не тот, кем был. Я не жду прощения. Я не заслужил его. Но я хочу помочь. Орда идёт к побережью. Если вы не подготовитесь — Солей падёт. Я видел, как падают поселения. Это страшно. Люди горят заживо. Детей разрывают на части.

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Откуда ты знаешь, куда мы идём? Откуда знаешь, что мы из поселения?

— Я не знаю, откуда вы, — сказал он. — И не знаю, где ваше поселение. Но вы идёте на восток, к побережью. Там есть несколько старых рыбацких посёлков. Я предположил, что вы из одного из них.

— И что с того?

— А то, что если вы тут, то ваше поселение где-то рядом. И орда идёт в ту же сторону. Я не знаю, где вы живёте, но если твари доберутся туда раньше вас...

Он не договорил. Я поняла.

— Ты хочешь, чтобы я привела тебя в Солей? — спросила я ледяным тоном.

— Нет, — он покачал головой. — Я хочу, чтобы ты приняла помощь. Здесь и сейчас. Мои люди знают, как убивать этих тварей. Мы можем прикрыть вас, пока вы не доберётесь до дома. А потом уйдём.

— И ты просто так возьмёшь и уйдёшь? Не попытаешься выследить?

— Не попытаюсь, — сказал он. — Я не ищу твоё поселение, Мэй. Я ищу... — он запнулся. — Я просто хочу помочь. Без условий.

Я смотрела на него и не знала, что сказать. Внутри всё кипело — ненависть, злость, страх. И какая-то неправильная, болезненная благодарность, которую я отталкивала изо всех

сил.

— Убирайся, — сказала я. — Я не хочу тебя видеть. Не сейчас. Не здесь. Никогда.

Он поднялся.

— Хорошо. Но я буду рядом. Если передумаешь — дай знать. Мои люди проводят вас до безопасного места.

— Не нужна мне твоя помощь. Я сама справлюсь.

— Знаю, — он повернулся к выходу, остановился. — Мэй... береги себя.

Он вышел. Дверь закрылась, и я осталась одна в темноте, чувствуя, как дрожат колени.

Береги себя. Сказал тот, кто чуть не уничтожил меня. Ирония.

Через час мы ушли из подвала. Люди Дэмиана показали безопасный путь к окраине — через подземные коммуникации, где твари не водились. Я шла первой, сжимая арбалет, и не оглядывалась.

— Мэй, — Грэг догнал меня. — Тот мужик... он предложил помощь?

— Да.

— И что ты ответила?

— Что не нужна она нам.

— А если он прав насчёт орды?

Я остановилась.

— Тогда мы подготовимся сами.

— У нас не хватает ни оружия, ни людей, чтобы противо-

стоять тысячам тварей.

— Найдём.

— Где?

Я не ответила. Потому что не знала.

Мы вышли из города к полудню. Серое небо нависало над лесом, обещая дождь. Я остановилась на холме, глядя на чёрные остовы зданий, и чувствовала, как внутри что-то меняется.

Он здесь. Он жив. Он изменился. Или притворяется. Но если он не врёт об орде... тогда нам нужна его помощь.

Я сжала в кармане камешек Хоуп — тёплый, гладкий, с белой прожилкой.

— Прости, дочка, — прошептала я. — Кажется, я втянула нас в историю, из которой нет лёгкого выхода.

Лес молчал. Мёртвый город остался позади. Но эхо Элизиума — его голос, его лицо, его слова — всё ещё звучало в моей голове.

Я знала: это только начало. Худшее впереди.

Но сейчас нужно было вернуться домой. К Хоуп. К Коулу. К тишине, в которой можно забыться на несколько часов.

А завтра... завтра придётся принимать решение.

Я ненавидела себя за то, что уже знала, каким оно будет.

Глава 5. Взгляд в бездну

Прошло три дня с тех пор, как мы вернулись в Солей.

Три дня, и каждое утро я просыпалась с мыслью, что совершила ошибку. Нет, не ошибку — преступление. Против себя, против Хоуп, против здравого смысла, который, казалось, окончательно покинул мою голову где-то там, в мёртвом городе, среди воя тварей и запаха гари.

На Совете, когда я отчитывалась, Элинор спросила: «А где Кай? И Джон?» Я сказала, что они не вернулись. Кай остался прикрывать отход. Джона убили твари. Лукас пробурчал: «Хорошие были бойцы. Помянем». Вот так.

Зато новым жителям выделили жилище. Дэмиан и его люди — восемь человек, измученных, грязных, смотревших на Солей так, словно это был мираж, который вот-вот растает, — теперь жили на окраине города, в старом рыбацком сарае, который не использовали уже года два. Томас ворчал, что «нечего пускать чужаков, да ещё и таких». Марта, наоборот, молча разглядывала Дэмиана, когда он стоял перед советниками, и потом сказала только: «У этого человека глаза мёртвые. Он не опасен. Опасны те, у кого глаза горят».

Не знаю, что она там увидела. Я в его глаза старалась не смотреть.

Сарай стоял там, где забор подходил близко к скалам. Место неудобное, продуваемое всеми ветрами, с протекающей

крышей и земляным полом. Дэмиан не жаловался. Его люди тоже. Они вообще мало говорили. Бен, рыжеволосый, который передавал мне послание в подвале, оказался кем-то вроде друга Дэмиана. Эшли — та самая девушка с рюкзаком, которую мы спасли из цеха, — держалась особняком, смотрела на всех волком и почти не разговаривала. Остальные были просто теньями: измученные, молчаливые, привыкшие подчиняться.

Я запретила себе думать о том, что они напоминают мне меня саму пять лет назад.

Утро началось, как обычно, с Хоуп.

— Мам. Ма-ам. Ты спишь?

Маленькая ладошка легла на мою щёку. Я открыла глаза и увидела её лицо в дюйме от моего — серо-голубые глазищи, растрёпанные волосы, в которых уже запуталась соломинка от подушки. За окном серело — рассвет только-только начинал разбавлять ночную темноту.

— Уже нет, — ответила я, садясь на кровати.

— Там дядя Коул рыбу принёс, — сообщила Хоуп тоном, каким докладывают о государственном перевороте. — Большую-пребольшую. С зубами.

— С зубами?

— Ага. Она страшная. Пойдём посмотреть.

Я потёрла лицо. Спала я плохо. Опять. В эту ночь мне снился не Дэмиан — снился Кай. Его красные глаза, его голос: «У тебя дочь. У меня никого». Я проснулась в три часа

ночи с колотящимся сердцем и больше не уснула — просто лежала, глядя в потолок, и слушала, как море дышит вниз, под обрывом.

Три дня. Три дня я избегала смотреть в сторону рыбацкого сарая. Три дня я делала вид, что ничего не изменилось. Что в Солей не появился человек, который когда-то держал меня на цепи.

— Мам, ну пойдём, — Хоуп дёрнула меня за рукав. — Она остынет.

— Рыба уже мёртвая, она не остынет, — проворчала я, но встала.

Коул действительно принёс рыбу. Зубастую тварь, которую местные называли «каменный окунь» — здоровенную, килограммов на пять, с выпученными глазами и пастью, полной кривых игл. Он уже выпотрошил её и теперь стоял у колодца, мыл руки.

— Где ты это взял? — спросила я, выходя на крыльцо.

— У скал. Они туда на нерест приходят.

— Там же течение.

— Я осторожно.

Я посмотрела на него. Коул был спокоен, как всегда. Но что-то в его лице изменилось за эти три дня. Какая-то тень, которой раньше не было. Или была, но я не замечала.

— Спасибо, — сказала я.

— Пожалуйста.

Хоуп уже крутилась вокруг рыбины, тыкая пальцем в зубы

и охая от восторга. Я смотрела на них — на Коула, который вытирал руки о штаны и что-то объяснял девочке про рыб, на Хоуп, которая слушала, открыв рот, — и чувствовала, как внутри поднимается знакомая волна тепла.

— Коул, — позвала я.

Он обернулся.

— Я... — начала я и замолчала. Что я хотела сказать? «Прости, что привела его сюда»? «Прости, что не могу быть с тобой»? «Прости, что я сломана»?

— Рыбу на обед закоптим, — сказала я вместо этого. — Или на ужин. Хоуп, не трогай зубы, порежешься.

Коул кивнул и отвернулся к морю. Я видела, как его плечи напряглись, но он ничего не сказал. Он никогда ничего не говорил. И это, наверное, было хуже всего.

Днём я пошла в город.

Солей жил своей обычной жизнью, словно ничего не случилось. Рыбаки чинили сети у причала, женщины таскали воду от колодца, дети носились между домами, играя в догонялки. Из трубы пекарни Марты поднимался белый дым. Всё как всегда. Мирно. Спокойно.

И посреди этого покоя — восемь чужаков, которые рыли землю у восточного забора.

Я окинула взглядом работающих — Бен, Лиам, Эшли, ещё несколько мужчин. Чуть поодаль, у кучи брёвен, стоял Самюэль, о чём-то переговариваясь с Грэггом. Завидев меня, он коротко кивнул и вернулся к работе — молчаливый, как все-

гда. Дэмиан и его люди работали. Совет распорядился, чтобы новоприбывшие отрабатывали своё пребывание, и, судя по всему, Дэмиан не спорил. Он стоял по колено в яме, с лопатой в руках, и методично вгрызался в каменистую землю. Рядом Бен и ещё двое мужчин вколачивали заострённые брёвна в лунки. Эшли таскала камни для укрепления основания.

Я смотрела на него — на его спину, обтянутую выцветшей рубашкой, на седину в тёмных волосах, на то, как двигались мышцы под кожей, когда он поднимал лопату, — и чувствовала, как внутри всё сжимается.

Он не видел меня. Или делал вид, что не видит.

Я развернулась и пошла к пекарне, ругая себя за то, что вообще остановилась. «Не смотри на него. Не думай о нём. Он — никто. Просто рабочие руки. Просто ресурс. Ты сама так решила. Так и действуй».

Марта встретила меня, как всегда, не оборачиваясь от печи.

— Пришла. Садись. Чай будешь?

— Буду.

Я опустилась на лавку. Здесь, в тепле, пропитанном запахом дрожжей и трав, было легче дышать. Марта поставила передо мной кружку, села напротив.

— Видела, как Дэмиан работает? — спросила она без преисловий.

— Нет.

— Ага. Конечно. — Марта усмехнулась, отхлебнула из своей кружки. — Я вчера к ним заходила. Хлеба отнесла. Люди как люди. Измученные, но держатся. Этот, рыжий, — Бен, кажется, — вежливый, спасибо сказал. Девушка, Эшли, — волчонком смотрит, но хлеб взяла. А этот... — она сделала паузу, глядя на меня поверх кружки, — даже не притронулся. Сидел в углу и смотрел в стену. Я видела, как он вчера на тебя глядел, когда ты мимо шла. Ты не заметила — ты вообще стараешься не замечать ничего, что связано с ним. А я заметила. Он смотрел так, словно ты — солнце, а он — человек, который всю жизнь прожил в пещере. И солнце это его ослепляет, жжёт, но он всё равно не может отвести взгляд.

Я сжала кружку так, что костяшки побелели.

— Марта, прекрати.

— Почему? Потому что правда глаза колет?

— Потому что ты не знаешь, что он сделал.

— Не знаю, — согласилась она. — И знать не хочу. Мне хватает того, что я вижу сейчас. А вижу я человека, который сломлен. Не опасно сломлен — он не бросится на людей, не навредит. Он сломлен изнутри. И эта сломленность, девочка, она тебе понятнее, чем что-либо ещё. Потому что ты сама такая же.

Я молчала. Марта вздохнула, встала, подошла к печи и вытащила лопатой готовый хлеб — круглый, золотистый, с хрустящей корочкой.

— Я не говорю, что ты должна его простить, — сказала

она, не оборачиваясь. — Я не говорю, что ты должна быть с ним. Я вообще ничего не говорю. Просто... не ври себе, Мэй. Ты привела его сюда не потому, что он «полезный ресурс». Ты привела его, потому что не могла иначе. Потому что где-то глубоко внутри, под всей этой ненавистью и болью, ты всё ещё... — она замолчала, подбирая слово, — ...связана с ним. И пока ты будешь это отрицать, ты будешь мучиться. При-знаешь — станет легче. Не хорошо, нет. Но легче.

Я встала.

— Спасибо за чай.

— Мэй.

Я остановилась у двери.

— Он не просит у тебя прощения, — сказала Марта. — Ты заметила? Он вообще ничего не просит. Просто работает, молчит и смотрит в стену. Это, знаешь ли, хуже, чем если бы он умолял. Умолять — значит надеяться. А он не надеется. Он просто есть. Как камень. Как море. Как что-то, что всегда будет рядом, хочешь ты этого или нет.

Я вышла, хлопнув дверью сильнее, чем собиралась.

Вечером пришёл Оливер.

Он появился на пороге, когда я укладывала Хоуп спать. Девочка уже почти заснула, свернувшись калачиком под одеялом, и я как раз поправляла ей подушку, когда в дверь тихо постучали.

— Открыто, — сказала я.

Оливер вошёл, остановился у входа. Я сразу поняла — он

пришёл не просто так. У него было то самое лицо, которое я хорошо знала: сжатые челюсти, желваки под кожей, прямой взгляд, в котором кипела едва сдерживаемая ярость.

— Поговорим? — спросил он.

— Хоуп спит.

— На улице.

Я вышла за ним на крыльцо. Солнце уже село, и над морем висела густая, осенняя темнота. Ветер стих, и было слышно только дыхание прибоя внизу и далёкий лай собак из города.

Оливер стоял ко мне спиной, глядя на море. Я молчала, ждала.

— Ты с ним говорила? — спросил он наконец.

— С кем?

— Не притворяйся.

— Нет, — сказала я. — Не говорила после того разговора в городском подвале.

— И не будешь?

— Не знаю.

Оливер резко развернулся. В его синих глазах — тех самых, что были у матери, — горел такой огонь, что я невольно отступила на шаг.

— «Не знаю»? — переспросил он. — Мэй, он держал тебя на цепи. Он бил тебя. Он... — он запнулся, не в силах произнести слово. — И ты говоришь «не знаю»?

— Оливер...

— Нет, дай я скажу. — Он шагнул ко мне, и я видела, как

дрожат его руки. — Я молчал три дня. Три дня я смотрел, как этот ублюдок ходит по нашему городу, как он копает землю у нашего забора, как он дышит нашим воздухом. И я молчал, потому что ты попросила. Ты сказала: «Оливер, не трогай его. Это нужно для Солей». И я послушался. Потому что я всегда тебя слушаюсь. Потому что ты — моя сестра, и я верю тебе больше, чем себе.

Он замолчал, переводя дыхание.

— Но сейчас я хочу спросить, — продолжил он тише, но от этого не менее яростно. — Зачем ты его привела? Настоящая причина, Мэй. Не про «защиту от орды». Настоящая.

Я смотрела на брата и не знала, что ответить. Потому что ответа у меня не было.

— Я не знаю, — сказала я честно.

— Не знаешь?

— Не знаю, Оливер. Когда я увидела его там, в городе... — я замолчала, подбирая слова. — Я думала, что убью его. Или что он убьёт меня. Или что мы просто разойдёмся, и я никогда больше его не увижу. Но он... он спас нас. Ты понимаешь? Он мог уйти. Его люди могли уйти. Они были в безопасности на галерее, они могли просто наблюдать, как нас жрут твари. Но он спрыгнул вниз.

— И что? — Оливер скривился. — Один хороший поступок перечёркивает всё остальное?

— Нет. Не перечёркивает.

— Тогда что?

Я посмотрела на море — чёрное, бескрайнее, сливающееся на горизонте с таким же чёрным небом.

— Когда он говорил со мной в подвале, — медленно сказала я, — он не просил прощения. Не оправдывался. Не пытался меня убедить, что изменился. Он просто рассказал, что с ним было. И предложил помощь.

— И ты поверила?

— Я не знаю, верю ли я. Но я видела его глаза, Оливер. Там, в городе, когда он узнал меня. Там была не ярость и не одержимость. Там было что-то другое. Что-то... — я запнулась, — ...сломанное.

Оливер молчал. Я видела, как он борется с собой — сжимает и разжимает кулаки, дышит тяжело, рвано.

— Я ненавижу его, — сказал он наконец. — Всеми потрохами ненавижу. За то, что он сделал с тобой. За то, что ты стала вот такой — закрытой, холодной, чужой. За то, что ты не можешь быть счастливой с Коулом, который любит тебя по-настоящему. За то, что Хоуп никогда не узнает нормального отца. За всё это.

— Я знаю.

— Но я не убью его. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Не сейчас. Потому что ты просишь. Но если он хоть раз — хоть раз, Мэй, — посмотрит на тебя так, как смотрел раньше, я прикончу его. И плевать на Совет, на орду, на всё.

Он развернулся и пошёл прочь в темноту. Я осталась стоять на крыльце, глядя ему вслед, и чувствовала, как внутри

всё дрожит.

«Ты привела его, потому что не могла иначе», — сказала Марта.

Она была права.

Ночью мне снова приснился он.

Не кошмар. Не цепи, не тёмная комната, не его руки на моём горле. Другое.

Мы сидели на берегу — там, у скал, где Коул ловил каменного окуня. Море было спокойным, серо-голубым, как глаза Хоуп. Пахло солью и водорослями. Он сидел рядом, не прикасаясь ко мне, просто смотрел на воду. И молчал. Я тоже молчала. И в этом молчании было что-то странное — не напряжение, не страх, а покой.

Я проснулась в четыре утра с мокрыми от слёз щеками и ненавистью к себе такой силы, что меня затошнило.

Я встала, накинула куртку и вышла на крыльцо. Ночь была холодной, ветреной — море шумело внизу, билось о скалы, словно пыталось разломать их на куски. Звёзд не было видно за облаками. Только темнота, плотная, почти осязаемая.

Я стояла и смотрела в эту темноту, и думала о том, что Марта сказала про Дэмиана: «Он просто есть. Как камень. Как море».

А ещё она сказала: «Он не надеется».

И это — я вдруг поняла с пугающей ясностью — было самым страшным. Если бы он надеялся, если бы он пытался меня вернуть, я бы знала, что делать. Оттолкнуть. Уда-

рить. Убить, если понадобится. Но он не давал мне повода. Он просто был. Работал, молчал, смотрел в стену. И от этого бездействия, от этого отсутствия претензий моя ненависть не находила выхода. Она копилась внутри, отравляла меня, превращалась в яд, который разъедал меня.

«Признаешь — станет легче».

Я сунула руку в карман и нащупала гладкий чёрный камешек — подарок Хоуп. Я сжала его в кулаке и закрыла глаза.

«Я не прощу тебя. Никогда. Но я признаю: ты здесь. Ты есть. И я не могу это изменить».

Это было не прощение. Даже не принятие. Просто... констатация факта.

Я выдохнула и открыла глаза. Ночь оставалась такой же тёмной и холодной. Море — таким же шумным и бескрайним. Ничего не изменилось.

Утром я пошла к восточному забору.

Не потому, что хотела его видеть. Просто нужно было проверить, как идут работы по укреплению. Имею право.

Я повторяла это себе всю дорогу, пока шла по пыльной дороге к забору. Утро было серым, ветреным — море штормило, и волны с грохотом разбивались о скалы. Пахло солью, рыбой и приближающимся дождём.

Они уже работали. Я остановилась поодаль, у старого дерева, и стала смотреть.

За три дня они сделали много. Забор на восточном участке — тот самый, где брёвна подгнили и требовали замены, —

был укреплѐн новыми опорами. Земля вокруг врыта, утрамбована, укреплена камнями. Видно было, что работают они умело и слаженно — без лишней суеты, без споров, каждый знает своё дело.

Дэмиан снова копал. Яма, в которой он стоял вчера, стала глубже — теперь он был в ней почти по пояс. Лопата в его руках двигалась размеренно, ритмично: вгрызалась в землю, поднимала комья, отбрасывала в сторону. И снова. И снова. Как машина. Как что-то, что не чувствует усталости.

Я смотрела на его руки — те самые, что когда-то держали меня на цепи, били, стаскивали одежду, сжимали горло. Теперь они были в земле, в грязи, в мозолях и ссадинах. Эти руки строили укрепления для места, которое стал моим домом.

Ирония, от которой хотелось смеяться. Или плакать.

Он, должно быть, почувствовал мой взгляд. Лопата замерла. Он медленно выпрямился, повернул голову.

Наши глаза встретились.

Всего на секунду. Может, на две. Но этого хватило. Я снова увидела то, что видела в городе — ту самую огромную, всепоглощающую усталость и что-то ещё.

Он не улыбнулся. Не кивнул. Не сделал ни одного движения, которое можно было бы истолковать как попытку сблизиться. Просто смотрел — прямо, спокойно, без ожидания. Как смотрят на море.

Первой отвела взгляд я.

Развернулась и пошла прочь, чувствуя, как колотится сердце и горят щёки. «Дура. Какая же ты дура, Мэй. Зачем ты пошла? Что ты хотела увидеть?»

Днём я взяла Хоуп и пошла к Марте.

Девочка скакала впереди, размахивая пучком каких-то цветов, которые она нарвала у обрыва. Жёлтые, мелкие, похожие на маленькие солнышки. Она называла их «мамины цветочки», потому что они напоминали ей мои волосы. Когда-то давно, когда у меня ещё были длинные волосы.

— Мам, а почему у тебя волосы короткие? — спросила она, обернувшись на бегу.

— Так удобнее, — ответила я автоматически.

— А длинные неудобные?

— В рейдах — да. Мешают.

— А что такое рейды?

Я вздохнула. Хоуп задавала вопросы с той же неумолимостью, с какой море точит скалы. Капля за каплей, вопрос за вопросом — и рано или поздно любая защита рушится.

— Рейды — это когда мы ходим в лес или в опустевшие города за припасами, — сказала я. — За едой, за одеждой, за лекарствами.

— Там опасно?

— Иногда.

— А почему ты ходишь, а другие нет?

— Потому что я умею.

Хоуп на мгновение задумалась, потом кивнула, принимая

ответ, и побежала дальше. Я смотрела ей вслед и думала о том, что однажды она спросит об отце. По-настоящему спросит — не «где папа», а «кто мой папа и почему его нет». И что я ей скажу? «Твой отец — человек, который держал меня на цепи, а теперь копает землю у восточного забора»?

Меня передёрнуло.

У пекарни Хоуп сразу же убежала к курятнику — смотреть, не снесли ли куры яйца. Я вошла внутрь.

Марта была не одна. За столом, с кружкой чая в руках, сидела Эшли.

Я замерла на пороге. Девушка подняла голову, и наши взгляды встретились. У неё были тёмные, почти чёрные глаза — цепкие, настороженные, как у дикого зверя, который не знает, чего ожидать от человека. Короткие волосы торчали в разные стороны, на скуле желтел старый синяк. Одежда — мешковатая, явно с чужого плеча.

— Здравсьте, — сказала она хрипло.

— Здравствуй.

Я прошла и села на своё обычное место. Марта, как ни в чём не бывало, поставила передо мной кружку.

— Вот, познакомься, — сказала она, кивая на Эшли. — Женщина из группы Дэмиана. Хлеб пришла попросить. У них там с едой негусто.

— Совет выделил им паёк, — сказала я.

— Выделил, — согласилась Марта. — Три рыбины на восемь человек и мешок крупы. На неделю. Очень щедро.

Я промолчала. Я знала, что Совет не слишком рад чужакам и выделил им минимум — просто чтобы не сказали, что бросили умирать с голоду. Но влезать в это я не хотела. У меня своих проблем хватало.

Эшли молча пила чай, глядя в стол. Я рассматривала её — худые руки, заострившиеся скулы, тени под глазами. Она выглядела так, словно не спала и не ела нормально уже очень давно.

— Давно ты с ними? — спросила я.

— Полгода, — ответила она, не поднимая глаз.

— Как вы выживали?

— По-разному. — Она пожала плечами. — Где-то находили припасы, где-то охотились. Пару раз натыкались на других выживших.

— А в мёртвом городе как оказались?

Эшли подняла глаза. В них мелькнуло что-то — не враждебность, скорее усталость от вопросов.

— Шли на сигнал. Как вы. Думали, там поселение. Ошиблись.

— Твари?

— Их много. Мы застряли в том районе на месяц. Дэмиан выводил нас несколько раз, но твари будто ждали. Каждый раз, когда мы пытались уйти, они отрезали пути. Словно кто-то ими управлял.

Я вспомнила слова Маркуса — того выжившего, которого мы нашли в цехе. Он говорил то же самое: твари органи-

зованы, координируются, будто у них есть вожак. И ещё он говорил про Ущелье.

— Ты знаешь что-нибудь про Ущелье? — спросила я.

Эшли посмотрела на меня долгим взглядом. Потом медленно покачала головой.

— Только то, что слышала от других. Говорят, там что-то есть. Что-то, откуда они приходят.

Мы замолчали. Марта возилась у печи, делая вид, что не слушает, но я знала — она слышит каждое слово.

— А Дэмиан? — спросила я, сама не зная зачем. — Он... как он?

Эшли снова подняла глаза. В них промелькнуло что-то похожее на понимание.

— Он не спит, — сказала она тихо. — Почти не ест. Работает как проклятый, пока не свалится. А когда сваливается — лежит и смотрит в потолок и молчит. Иногда говорит что-то по делу — про работу, про еду, про маршруты. Но о себе — никогда. О прошлом — никогда. Мы знаем только, что он откуда-то из Элизиума, что у него там что-то случилось. И всё.

Я сжала кружку. «Что-то случилось». Если бы она знала, что именно.

— Ты его боишься? — спросила я.

Эшли задумалась.

— Нет, — сказала она наконец. — Не боюсь. Он... странный, но не опасный. Он нас вытащил. Рисковал собой — не

ради себя, ради нас. Я не знаю, каким он был раньше, но сейчас он... — она запнулась, подбирая слово, — ...сломанный. Как и все мы.

«Сломанный». Это слово преследовало меня последние года.

Я посмотрела на неё — на эту измученную женщину с глазами человека, привыкшего к потерям, которая полгода скиталась по мёртвым землям с человеком, когда-то бывшим моим мучителем. И вдруг поняла: она не враг. Она просто выжившая. Как я. Как все мы.

— Если вам нужна еда, — сказала я, — приходи ко мне вечером. У меня есть вяленая рыба и немного овощей. Поделюсь.

Эшли посмотрела на меня с недоверием.

— Правда?

— Правда. Я не обещаю, что накормлю всю вашу группу, но что-нибудь дам.

Она кивнула, и в её глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на благодарность. Потом она встала, попрощалась с Мартой и вышла.

Я осталась сидеть, глядя в свою кружку.

— Вот видишь, — сказала Марта, не оборачиваясь от печи. — Уже прогресс.

— Какой прогресс?

— Ты только что предложила помощь людям, которые пришли с ним. А завтра, глядишь, и с ним самим загово-

ришь.

— Не дождёшься.

Марта хмыкнула и ничего не ответила.

Вечером, когда солнце уже садилось и море стало золотисто-розовым, я сидела на крыльце и смотрела, как Хоуп играет с камешками. Она раскладывала их по размеру, цвету, форме — у неё была целая система, понятная только ей одной.

— Мам, смотри, этот похож на дельфина, — она протянула мне серый, обкатанный волнами камень.

— Правда, похож.

— А этот — на луну. — Белый, почти круглый.

— Тоже похож.

Хоуп замолчала, разглядывая свои сокровища. Потом подняла голову и спросила:

— Мам, а тот дядя, который копает у забора, — он кто?

Я замерла. Сердце пропустило удар, потом забилось быстро-быстро.

— Какой дядя?

— Ну, тот, с тёмными волосами. Он всё время копает. Я его видела, когда мы с дядей Коулом на берег ходили.

— Это... — я запнулась. — Это один из чужаков. Они пришли недавно. Будут жить в Солей.

— А как его зовут?

Я хотела солгать.

— Я не знаю, — сказала я.

— Он хороший?

Я посмотрела на дочь — на её огромные, доверчивые глаза, на светлые волосы, на чумазные щёки. Что я могла ей сказать? «Он чудовище»? «Он твой отец, но он делал со мной ужасные вещи»? «Я не знаю, кто он теперь»?

— Я не знаю, — сказала я честно. — Может быть. Может, нет.

Хоуп на мгновение задумалась, потом кивнула и вернулась к своим камешкам. Для неё вопрос был исчерпан. Дядя копает, значит, помогает людям. Помогает — значит, хороший. Детская логика, простая и беспощадная.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё сжимается. Однажды она узнает правду. Не сейчас — сейчас она слишком мала. Но однажды. И что тогда? Будет ли она ненавидеть меня за то, что я скрывала? Будет ли ненавидеть его? Или, наоборот, захочет узнать отца, несмотря ни на что?

Я не знала. И от этого незнания хотелось выть.

Ночью я не могла уснуть.

Лежала в темноте, слушала дыхание Хоуп и шум моря внизу, и думала.

О нём.

Я вспоминала его лицо там, в городе, когда он узнал меня. Вспоминала его глаза сегодня утром — усталые и спокойные. Вспоминала его руки, которые теперь копали землю для защиты моего дома.

Что-то менялось. Я чувствовала это кожей, нутром, каж-

дой клеткой тела. Что-то сдвигалось внутри — медленно и слишком болезненно, как срастается сломанная кость. Неправильно, криво, но срастается.

Я не простила его. Я не собиралась прощать. Но я больше не могла делать вид, что его не существует. Что он — пустое место, ресурс, рабочие руки. Он был здесь. Живой, настоящий, сломанный. И он смотрел на меня так, словно я была солнцем, а он — человеком, который всю жизнь прожил в пещере.

Я закрыла глаза и попыталась уснуть. Не получилось.

Вместо сна пришло воспоминание. То, что я старалась не трогать, запрятала глубоко-глубоко, под слои ненависти и боли.

Элизиум. Золотая комната. Вечер. Он сидит на краю кровати и смотрит на меня. Не с похотью, не с яростью — просто смотрит. И молчит. А потом говорит: «Ты красивая, Мэй. Я не знаю, как сказать это так, чтобы ты поверила. Но ты красивая».

Я тогда не ответила. Отвернувшись к стене, сделала вид, что сплю. Но внутри что-то дрогнуло. Потому что в его голосе — не было собственничества. Только грусть.

Я открыла глаза. Темнота была всё такой же плотной. Море всё так же шумело внизу.

Но я знала: завтра утром я снова пойду к восточному забору. Не потому, что хочу его видеть. Просто... проверить, как идут работы.

Утро встретило меня дождём.

Мелким, противным, морозящим — таким, который пробирает до костей и заставляет всё вокруг становиться серым и унылым. Море сливалось с небом в одну сплошную серую массу, и только белые барашки волн напоминали о том, что где-то там есть горизонт.

Я стояла на крыльце, накинув капюшон, и смотрела в сторону восточного забора. Туда идти не хотелось. Вообще ничего не хотелось. Хотелось залезть под одеяло, обнять Хоуп и спать, пока дождь не кончится.

Глава 6. Чужой среди своих

Дождь лил третьи сутки.

Не тот сильный ливень, что барабанит по крыше, заставляя забиться под одеяло и слушать, как мир снаружи превращается в аквариум. Нет. Мерзкая, прибрежная морось — такая мелкая, что кажется, будто воздух сам по себе мокрый. Она умудрялась просачиваться под любую одежду, затекать за шиворот, превращать землю под ногами в серое чавкающее месиво, и моё настроение в такое же серое и чавкающее.

Я стояла на крыльце, натянув капюшон до самого носа, и смотрела, как струйки воды сбегает по соломенной крыше. Хоуп ещё спала — после вчерашней беготни с Коулом по берегу она вырубилась, даже не дождавшись ужина, и теперь свернулась калачиком под одеялом, прижимая к груди Хоуп.

Море внизу сливалось с небом в одну сплошную серую массу, и только белые барашки волн напоминали, что где-то там есть горизонт. Чайки попрятались. Умные птицы.

В такую погоду нормальные люди сидят по домам, пьют горячий отвар из трав, и молятся, чтобы крыша не протекла. Но я, как человек, имевший глупость привести в Солей восьмерых чужаков и теперь, по логике вещей, за них отвечающий, натянула сапоги и побрела по грязи в сторону восточного забора — проверять, как там наши дорогие гости.

Гости. Надо же. Всего неделю назад это слово означало

для меня кого-то, кто заходит на огонёк, приносит рыбу или сплетни, выпивает кружку и уходит восвояси. Теперь оно означало восемь человек, которые поселились в старом рыбацком сарае и смотрели на мир так, словно в любой момент ждали удара в спину. И один из них был человеком, которого я мечтала забыть все последние пять лет.

Прекрасное утро для прогулки. Просто великолепное.

Сарай, который Совет выделил чужакам, стоял на отшибе — там, где восточный забор подходил почти вплотную к скалам. Место было продуваемое всеми ветрами, с вечно мокрой крышей и земляным полом, который в дождь превращался в болото. Идеальное жильё для тех, кого не особо ждали. Я бы на их месте уже прокляла всё и ушла куда глаза глядят. Но они не уходили. Копали, таскали камни, укрепляли забор и молчали. Много молчали. Так много, что это начинало действовать на нервы даже мне, а я-то уж привыкла к тишине.

Когда я подошла, работа уже кипела. Дождь им не помеха, подумаешь, вода хлещет с неба. Люди Дэмиана были на ногах с рассвета, хотя какой там рассвет в такую погоду — просто серый полумрак сменился чуть менее серым полумраком.

Бен — рыжеволосый здоровяк с коротким ёжиком волос и обветренным лицом — вколачивал в землю заострённые колья. Его движения были размеренными, почти ленивыми, но я уже заметила: за этой кажущейся медлительностью скры-

валась экономная, точная сила. Он не тратил ни одного лишнего движения. Человек, привыкший выживать и знающий цену каждому вдоху.

Рядом с ним возился Лиам — тощий парень с вечно испуганными глазами, которого мы вытащили из мёртвого города. Он таскал камни от скал к основанию забора, спотыкался, ронял их, снова поднимал. Бледная кожа, несмотря на холод, блестела от пота, русые волосы прилипли ко лбу. Он озирался каждые несколько секунд — привычка, от которой, наверное, никогда не избавится. Человек, переживший слишком много ужаса, чтобы когда-нибудь снова почувствовать себя в безопасности.

Эшли — тёмные волосы торчали во все стороны, на скуле желтел старый синяк — месила глину в ведре. Готовила раствор для кладки. Её движения были резкими, почти злыми, словно она вымещала на глине что-то, чему не могла дать выхода. Я её понимала. Слишком хорошо понимала.

Другие, чьих имён я пока не запомнила — или не захотела запоминать, — таскали брёвна и камни, укрепляя основание забора. Молчаливые тени, привыкшие подчиняться и не задавать вопросов.

И он.

Дэмиан стоял по колено в яме и методично выбрасывал наверх комья мокрой земли. Его рубашка промокла насквозь, прилипла к спине, обрисовывая мышцы и выступающие позвонки. Седины в тёмных волосах стало будто боль-

ше, хотя, может, мне просто казалось — в этом сером свете всё выглядело блёклым и выцветшим. Он работал как машина — вгрызался лопатой в землю, поднимал, отбрасывал, снова вгрызался. Ритмично, монотонно, без единого лишнего движения. Словно пытался докопаться до чего-то, что лежало глубоко под землёй. До ада, не иначе.

Я остановилась поодаль, под навесом старой рыбацкой хибары, которую не сносили только потому, что она служила складом для ржавых сетей. Отсюда было удобно наблюдать, оставаясь незамеченной. Трусливо? Возможно. Но у меня было оправдание: я отвечаю за этих людей перед Советом и должна оценивать эффективность работ, а не пялиться на бывшего мучителя. Да, именно так.

И всё же я пялилась.

На его руки. Те самые руки. Сейчас они сжимали черенок лопаты — грубой, самодельной, с потрескавшимся деревом. Я смотрела на его пальцы, на побелевшие костяшки, на грязь, забившуюся под ногти, и пыталась совместить эту картинку с той, что хранилась в моей памяти. Руки, сжимававшие мои запястья. Руки, застёгивавшие цепь. Руки, причинявшие боль.

Теперь они копали землю для защиты места, которое стало моим домом.

Он, должно быть, почувствовал мой взгляд. Лопата замерла на полпути. Он медленно выпрямился — спина разогнулась с тихим хрустом позвонков, — повернул голову и по-

смотрел прямо на меня.

Я не отвела взгляд. Это было бы поражением. Я просто смотрела в ответ, стараясь, чтобы лицо оставалось каменным.

Он не сделал ни одного движения, которое можно было бы истолковать как попытку сблизиться или продемонстрировать смирение. Просто смотрел устало и спокойно. Как смотрят на море, которое никогда не будет твоим.

Первым отвёл взгляд он.

Опустил голову, взялся за лопату и снова начал копать. Так же ритмично, так же монотонно. Словно ничего не произошло. Словно я была не более чем частью пейзажа.

Я выдохнула, сама не заметив, что задерживала дыхание. Развернулась и пошла прочь, чувствуя, как колотится сердце и горят щёки. Хотя холода хватало, чтобы остудить любой жар.

Дура. Какая же я дура. Зачем я пошла? Что хотела увидеть, как он страдает? Он и так страдает — это видно невооружённым глазом, достаточно посмотреть на его ввалившиеся щёки и мешки под глазами. Что он изменился? Это тоже видно — прежний Дэмиан никогда бы не стал копать землю для чужих людей, он бы приказал копать другим, а сам стоял бы рядом и смотрел с тем самым собственническим выражением, от которого у меня до сих пор сводило живот.

Нет. Я хотела увидеть что-то другое. Что-то, в чём боялась признаться даже себе.

Я хотела увидеть, что он всё ещё смотрит на меня.

И когда он посмотрел пусто, устало, без надежды, — я почувствовала не облегчение, а... разочарование.

Прекрасно. Просто прекрасно.

Днём меня вызвали на Совет.

Не как члена — я никогда им не была и, честно говоря, не стремилась. Хватало мне и того, что я команду разведгруппой и отвечаю за безопасность периметра. Но когда речь зашла о чужаках, Элинор прислала мальчишку-посыльного с запиской: «Ждём на складе. Вопрос по твоим подопечным».

«Твоим». Замечательно. Я ещё и опекун для взрослых людей, один из которых — мой бывший мучитель. Карьерный рост, о котором я не просила. Может, мне ещё зарплату попросить? Хотя какая тут зарплата — лишняя рыбина к пайку, и то спасибо.

Рыбный склад встретил меня привычным запахом соли, старого дерева и керосина. Трое членов совета уже сидели на своих местах: Элинор, прямая как палка, со спицами в руках (сегодня она вязала что-то серое и бесформенное — под цвет погоды, похоже); Кент, рыжебородый здоровяк, который разглядывал карту побережья с таким видом, будто она его лично оскорбила; и дед Лукас, который, казалось, дремал, привалившись к стене. Его выцветшие глаза были закрыты, но уголок рта чуть подрагивал — не то тик, не то усмешка.

Для меня поставили табурет сбоку, не за общий стол. Пра-

вильно. Я здесь не хозяйка, я — докладчик. Или, точнее, докладчица. Или просто «та, которая притащила в посёлок ку-чу чужаков и теперь должна за это отвечать».

— Садись, Мэй, — Элино́р кивнула на табурет, не отрываясь от вязания. Спицы мелькали в её сухих пальцах с какой-то гипнотической размеренностью. — Разговор о твоих гостях.

Я села, стараясь держать спину прямо. Внутри всё сжалось. Я знала, что этот разговор будет непростым. Люди в Солей не любят чужаков. А тут целая группа незнакомцев, которые ещё и выглядят так, словно сбежали из кошмара.

— Провизия для новоприбывших, — начала Элино́р. — Выделенный паёк подходит к концу. Три рыбины на восемь человек и мешок крупы — это на неделю. Мы должны решить: увеличивать или оставить как есть.

— Увеличивать? — хмыкнул Кент, отрываясь от карты. — С какой стати? Они чужаки. Мы их приютили, дали крышу над головой — какую есть, — работу дали. Пусть отрабатывают. Если увеличим паёк, остальным меньше достанется. Зима на носу, у нас каждый кусок на счету.

Он посмотрел на меня с прищуром, ожидая возражений. Я молчала, считая про себя до пяти. Спорить с Кентом в лоб — всё равно что биться головой о скалу. Скале всё равно, а голова потом болит.

— Они работают больше многих наших, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и без личных эмоций. — Во-

сточный забор укреплѐн на две трети быстрее, чем мы планировали. Я там была сегодня утром — они в грязи по колено, и никто не ноет. Если бы не они, мы бы до холодов не управились.

— Ты их защищаешь? — Кент подался вперѐд, и его рыжая борода воинственно топорщилась.

— Я докладываю факты. Вы поставили меня отвечать за них — я отвечаю. И говорю: они полезны. Очень полезны. Их лидер знает повадки мутантов, его люди обучены. В случае атаки они будут на нашей стороне. Но если они ослабнут от голода, толку от них будет мало.

— Лидер, — повторила Элинор, и её спицы застучали быстрее. — Дэмиан. Ты знала его раньше, верно? В Элизимуе.

Внутри всё похолодело. Я заставила себя сохранять спокойствие.

— Знала. Давно.

— И что он за человек? Нам нужно понимать, кому мы доверяем укрепления.

Что я могла сказать? «Он держал меня на цепи и насиловал, но теперь кажется сломленным и пытается искупить вину»? Отличная рекомендация. Совет точно обрадуется. Может, ещё в красках описать, как он входил в мою комнату по ночам?

— Сложный, — ответила я наконец, тщательно подбирая слова. — В прошлом он совершал серьёзные ошибки. Но

сейчас он не опасен для Солей. Он хочет защищать это место. Я видела его в бою — он эффективен и не трус. Его люди ему доверяют, а они не похожи на дураков.

Элинор переглянулась с Кентом. Лукас по-прежнему сидел с закрытыми глазами, но уголок его рта чуть дрогнул — определённо усмешка.

— Люди недовольны, — сказала Элинор, откладывая вязание. — Ко мне вчера приходили женщины с причала. Говорят, дети боятся чужаков. Шепчутся, что у них «дурной глаз», что рыба ушла от берега из-за них.

— Рыба ушла, потому что шторм, — сказала я. — А не потому что кто-то сглазил. Люди всегда ищут виноватых, особенно когда страшно.

— Именно, — подал голос дед Лукас, не открывая глаз. — Страшно всем. Мутанты активизировались. Чужаки — удобная мишень для страха. Так было всегда, так будет. Ты, девочка, этого не изменишь.

Он снова замолчал, и я уже думала, что он опять задремал, но он вдруг добавил:

— А работники они хорошие. Я вчера ходил смотреть. Тот, чернявый, с сединой, — он яму копает так, будто хочет до центра земли докопаться. Уважаю.

Я стиснула зубы. Даже Лукас заметил. Все замечают. Один только Дэмиан продолжает копать с таким видом, будто ему всё равно, смотрит на него кто-то или нет.

Элинор вздохнула и взялась за вязание снова.

— Я понимаю, что они полезны. Но мы не можем игнорировать настроения в поселении. Если напряжение будет расти, это плохо кончится. Может, стоит расселить их? Разбросать по разным домам, чтобы они не держались такой сплочённой группой?

Я помолчала, обдумывая её слова. В прошлый раз я бы упёрлась — сказала бы, что они не согласятся, что это подорвёт их доверие, что сплочённость группы важна. Но сейчас... сейчас я видела в этом смысл. Они сидели в своём сарае на отшибе, как прокажённые, и с каждым днём пропасть между ними и жителями только росла. Если их расселить — не в центр, конечно, но по разным домам на окраине, — они волей-неволей начнут общаться с соседями. Перестанут быть «теми чужаками из сарая» и станут просто новыми соседями. Беном, который живёт у колодца. Эшли, которая плетёт корзины на крыльце. Дэмианом... с Дэмианом сложнее, но и его можно куда-нибудь пристроить.

— Я согласна, — сказала я.

Кент удивлённо поднял бровь. Элинор чуть наклонила голову, разглядывая меня с новым интересом.

— Согласна? — переспросила она. — А как же «они не согласятся, они уйдут»?

— Уйдут, если мы попытаемся их разлучить насильно, — ответила я. — Но если предложить это как улучшение условий — нормальное жильё вместо сарая с дырявой крышей, — они, скорее всего, согласятся. Особенно если мы дадим

им выбор: остаться в сарае или перебраться в дома. Никто не любит, когда его загоняют в угол. Но если дать человеку возможность самому решить, он часто выбирает то, что выгодно.

Лукас хмыкнул, не открывая глаз:

— Умно. Дать им почувствовать, что они сами так захотели. Старый трюк.

— Не трюк, — возразила я. — Просто здравый смысл. Я поговорю с Дэмианом. Объясню, что расселение поможет его людям быстрее стать частью общины. Что так у них будет больше шансов пережить зиму — в сарае они замёрзнут насмерть. Думаю, он согласится.

— А если нет? — спросил Кент.

— Тогда будем думать дальше. Но я почти уверена, что он поймёт.

Элинор кивнула, и её спицы снова застучали.

— Хорошо. Тогда так и поступим. Ты, Мэй, займёшься расселением. Подберёшь дома — пустующие или те, где есть свободные комнаты. Поговоришь с хозяевами. И с чужаками. Докладывать будешь мне лично.

— Договорились.

— И паёк всё равно увеличим, — добавила она. — Пусть видят, что их ценят. Кент, распорядись насчёт двойной нормы.

Кент кивнул, хоть и без особого энтузиазма. Совет перешёл к другим вопросам — обсуждению запасов на зиму и

графика патрулей, — но я уже не слушала. Внутри всё кипело, но по-другому, чем раньше. Я сама только что согласилась разбросать его людей по посёлку. А значит, он тоже будет жить где-то отдельно. Не в сарае, где я могла наблюдать за ним издалека, не приближаясь. А в доме. Возможно, совсем рядом. Возможно, я буду встречать его каждый день у колодца или на рынке.

Прекрасная перспектива. Просто замечательная.

Но это был правильный шаг. Для жителей Солей. Для чужаков. И, наверное, для меня самой — хотя признаваться в этом было мучительно.

После Совета я пошла к Марте. Не потому, что хотела чаю, хотя чай был бы кстати. А потому, что в пекарне всегда было тепло и пахло домом, и можно было просто сидеть и молчать, и никто не требовал от тебя решений.

Пекарня Марты стояла в центре посёлка — приземистое каменное здание с большой печью. Запах свежего хлеба чувствовался за два квартала, даже в дождь. Я толкнула дверь и вошла в тепло, пропитанное ароматами дрожжей, трав и корицы.

Марта возилась у печи, когда я вошла. Она не обернулась, только хмыкнула:

— Пришла. Садись. Вид у тебя, как у утопленницы.

— Спасибо за комплимент, — буркнула я, опускаясь на лавку.

— Это не комплимент, это диагноз. Чай будешь?

— Буду.

Она поставила передо мной глиняную кружку с горячим чаем, пахнущим мятой и чем-то успокаивающим. Я обхватила кружку ладонями, чувствуя, как тепло медленно просачивается сквозь кожу, прогоняя озноб, который я даже не замечала.

Марта села напротив, вытирая руки о передник. Её цепкие тёмные глаза пробежались по моему лицу, и я знала — она видит всё. Тени под глазами, искусанные губы, напряжённые плечи. От неё ничего не скроешь. Иногда это раздражало.

— На Совете была?

— Вызывали.

— Про чужаков решали?

— Решали.

— И?

— Увеличили паёк. Меня оставили ответственной. И велели сделать так, чтобы люди перестали их бояться.

Марта хмыкнула и отхлебнула из своей кружки.

— Логично. Ты их привела, тебе и нянкатся. А как ты заставишь людей не бояться? Дэмиана пошлёшь детям сказки рассказывать?

Я поперхнулась чаем. Представила эту картину: Дэмиан, с его мрачной физиономией и руками, которыми он меня душил, сидит в кругу детей и читает им «Приключения Тома Сойера». Абсурд. Полный, кромешный абсурд.

— Очень смешно.

— А я и не шучу, — Марта отставила кружку и посмотрела на меня серьёзно. — Страх возникает от незнания. Люди боятся того, чего не понимают. Если чужаки будут сидеть в своём сарае и молчать, страх будет только расти. Им нужно выходить к людям. Разговаривать, показывать, что они не кусаются.

Я вздохнула. В словах Марты был резон, но как его реализовать? Как заставить Дэмиана, который и так едва смотрит на меня, выйти в центр посёлка и изображать дружелюбие? Он даже со своими людьми почти не разговаривает — только короткие приказы и редкие фразы.

— Я видела, как они работают, — сказала Марта, меняя тон. — Дэмиан у них главный?

— Да.

— Глаза у него мёртвые, как у рыбы, которую выбросило на берег. Он опасен?

Я помолчала. Вопрос был простым, но ответ нет.

— Он полезен, — сказала я наконец. — Это всё, что имеет значение.

Марта посмотрела на меня долгим взглядом, потом медленно покачала головой.

— Полезен... А ты смотришь на него так, будто ждёшь, что он вот-вот бросится на тебя. Но он не бросается. И это, девочка, пугает тебя сильнее, потому что с врагом всё ясно — его можно убить. А с тем, кто просто есть... что делать с

ним?

Я резко поставила кружку на стол. Чай плеснулся через край, но я даже не заметила.

— Я не обязана с ним что-то делать. Он — ресурс.

— Топором можно и дрова рубить, и голову снести, — тихо сказала Марта. — Всё зависит от рук. Ты уверена, что знаешь, в каких руках этот топор сейчас?

Я встала.

— Спасибо за чай.

— Мэй.

Я остановилась у двери, но не обернулась.

— Он не просит у тебя прощения, — сказала Марта. — Ты заметила? Он вообще ничего не просит. Просто работает, молчит и смотрит в землю. Это, знаешь ли, хуже, чем если бы он умолял. Умолять — значит надеяться. А он не надеется. Он просто есть. Как что-то, что всегда будет рядом, хочешь ты этого или нет.

Я вышла, хлопнув дверью сильнее, чем собиралась. Дождь встретил меня холодными каплями на разгорячённом лице. Я стояла под навесом пекарни, сжимая кулаки, и пыталась успокоить дыхание.

«Как что-то, что всегда будет рядом».

Чёртова Марта с её чёртовой мудростью.

Вечером, когда дождь наконец стих и небо окрасилось в грязно-серые сумерки, я сидела на крыльце и смотрела, как Хоуп возится у порога. Она нашла где-то старую, ржавую же-

стянку из-под консервов, набила её землёй и теперь сосредоточенно втыкала в неё пучок сорной травы, которую нарвала у забора.

— Это будет сад, — объявила она, не поднимая головы. — Тут будут расти цветы. И ещё я посажу туда камешки, чтобы они тоже росли.

— Камешки не растут, — заметила я машинально.

— У меня растут, — отрезала она с непоколебимой уверенностью пятилетнего человека, который точно знает, как устроен мир.

Я не стала спорить. Хоуп выдернула из жестянки особенно кривую травинку, отбросила её в сторону и принялась утрамбовывать землю пальцем. Светлые волосы падали ей на лицо, и она то и дело сдувала их с губ, смешно оттопыривая нижнюю челюсть. На щеке, прямо у носа, темнело пятно от земли, но она этого не замечала.

Она вытащила из кармана маленький плоский камешек, положила его поверх земли и заботливо присыпала сверху сухой травинкой.

— Это будет дом для жука, — пояснила она. — Когда я найду жука, он будет тут жить.

Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри всё сжимается. Однажды она узнает правду.

Я не хотела, чтобы она знала. Вообще. Никогда.

Не потому, что боялась, что он причинит ей боль — хотя этот страх никуда не делся, он просто затаился где-то в глу-

бине, как старая заноза. Я боялась другого. Я боялась, что он окажется... хорошим отцом.

Эта мысль была невыносимой, потому что если он сможет быть хорошим отцом — заботливым, внимательным, тем, кто учит жизни и смотрит с благоговением, — значит, он всегда мог им быть. Я не хотела давать ему этот шанс. Не хотела, чтобы Хоуп увидела в нём то, что когда-то увидела я — перед тем, как всё превратилось в ад. Ту иллюзию нежности, за которой скрывалась клетка. Потому что Хоуп, в отличие от меня, не сможет распознать эту ловушку. Она ребёнок. Она верит, что люди хорошие, пока не докажут обратное.

Возможно, он действительно стал бы хорошим отцом. Роль отца могла бы подойти ему лучше, чем роль партнёра, потому что в роли партнёра он провалился с треском, разрушив меня до основания. Но я не собиралась проверять эту теорию на собственной дочери. Хватит с меня экспериментов и надежд, которые разбиваются о реальность.

Хоуп не узнает. Я сделаю всё, чтобы не узнала. Пусть лучше думает, что её отец умер где-то в лесу, сгинул в Ущелье, исчез без следа. Пусть лучше живёт с этой пустотой, чем с правдой о том, кем он был. И кем, возможно, до сих пор является — где-то там, под слоем грязи, седины и показного смирения.

Я не верила в его «изменение». Слишком много раз я обжигалась на его нежности, чтобы снова протянуть руку к огню. И уж точно я не позволю Хоуп обжечься.

Она заслуживает лучшего. Она заслуживает того, кто никогда не ударит, никогда не запрёт, никогда не посмотрит на неё как на вещь. И если для этого мне придётся лгать ей всю жизнь — что ж, я совру. Я уже столько лгала себе, что ещё одна ложь, ради дочери, не сделает погоды.

Хватит. Хватит думать о нём. Он — никто. Просто чужак, который копает ямы у восточного забора. И Хоуп никогда не узнает, что у неё есть его глаза.

Коул пришёл, когда уже совсем стемнело.

Я сидела на том же месте, закутавшись в старую куртку, и смотрела в сторону моря.

Хоуп заснула прямо на крыльце, привалившись к моему боку, и я отнесла её в кровать, не разбудив. Жестянка с «садом» осталась стоять у порога, и в темноте её очертания напоминали маленький могильный холмик.

— Не спится? — Коул опустился рядом, и доски крыльца скрипнули под его весом.

— Как видишь.

Он помолчал, глядя в ту же сторону, что и я. Его профиль в полумраке казался высеченным из камня — резкие черты, прямой нос, твёрдый подбородок. Человек-скала. Надёжный, неизменный, всегда рядом.

— Я слышал, Совет решил расселить их, — сказал он наконец.

— Да. Завтра займусь этим.

— И его тоже?

Я знала, кого он имеет в виду. Имя не требовалось.

— Да, его тоже.

Коул кивнул, принимая это. Он всегда принимал всё, что я делала. Даже когда это причиняло ему боль.

— Ты как? — спросил он тихо.

— Нормально.

Я повернулась к нему. В его серых глазах не было упрёка — только усталое понимание и забота.

— Коул, я...

— Не надо, — перебил он. — Ты ничего мне не должна. Я просто хочу, чтобы ты была в порядке. Хоть когда-нибудь.

Я отвернулась, сжимая кулаки. В порядке. Когда-нибудь. Смешно. Я не была «в порядке» с тех пор, как я впервые увидела стены Элизиума. Может, и раньше. Может, я вообще не знала, что это такое — быть в порядке.

— Хоуп спрашивала про него, — сказала я глухо. — Про Дэмиана.

Коул напрягся. Я видела это боковым зрением — как закаменели его плечи, как сжались челюсти.

— И что ты сказала?

— Что он чужак. Что он помогает укреплять забор. Что я не знаю, хороший он или нет.

— Правду, значит.

— Часть правды.

Он кивнул. Мы оба знали, что полная правда не нужна Хоуп. Не сейчас — она слишком мала, чтобы понять. Но ко-

гда-нибудь.

— Я не позволю ему причинить ей боль, — сказал Коул.
— И тебе.

— Знаю.

Он встал, отряхнул штаны.

— Иди спать, Мэй. Завтра трудный день.

— Коул.

Он обернулся.

— Спасибо, — сказала я. — За всё.

Он не ответил. Просто кивнул и ушёл в темноту, к своему дому, а я осталась сидеть на крыльце, глядя на далёкий огонёк в сарае у восточного забора.

Где-то там, в продуваемом ветрами сарае с дырявой крышей, сидел человек, который когда-то сломал меня.

Я сунула руку в карман и нащупала гладкий чёрный камешек — подарок Хоуп. Тёплый от моего тела, с белой прожилкой, пересекающей его наискось, как шрам. Я сжала его в кулаке и закрыла глаза.

Море дышало внизу — вдох и выдох, вдох и выдох. Бесконечный, убаюкивающий ритм, под который я засыпала уже почти шесть лет. И каждый год, каждый месяц, каждую ночь я думала, что смогу забыть. Что время лечит. Что шрамы затягиваются.

Ложь. Самая страшная ложь — та, которую мы говорим самим себе.

Шрамы не затягиваются. Они просто становятся частью

тебя. Врастают в кожу, в мышцы, в кости, пока ты сама не превращаешься в один сплошной шрам. Ходячее напоминание о том, что с тобой сделали. И о том, что ты позволила с собой сделать.

Я открыла глаза и посмотрела на далёкий огонёк.

Возможно, он не спал. Сидел там, в темноте, и смотрел на звёзды. Или в пустоту — ту самую, о которой говорила Марта. Ту самую, которую я видела в его глазах ранее.

Я встала, потянулась, разминая затёкшие плечи, и вошла в дом. Хоуп спала, свернувшись калачиком. Я поправила одеяло, поцеловала её в макушку, пахнущую морем и ветром, и легла рядом.

Я лежала в темноте, слушала дыхание дочери и шум прибора внизу, и думала о завтрашнем дне. О расселении. О том, что мне придётся говорить с ним. Смотреть ему в глаза. Делать вид, что он — просто чужак. Просто никто.

Ложь. Самая страшная ложь.

Но я повторяла её снова и снова, надеясь, что однажды она станет правдой.

Я закрыла глаза и позволила себе провалиться в сон.

Глава 7. Новоселье на отшибе

Совет решил расселить чужаков, а я должна была это организовать, потому что, конечно, кто же ещё. Я их привела, мне и расклебывать. Логика, с которой трудно спорить, особенно когда она исходит от Элинора, сверлящей тебя взглядом поверх вязания.

Пару дней я ходила по Солей и прикидывала варианты. Пустующих домов в посёлке почти не было — те, что стояли без хозяев после прошлой зимы, уже разобрали на доски или заняли под склады. Пристраивать чужаков к кому-то в дом — отдельная морока. Никто не горел желанием делить кров с незнакомцами, от которых за версту несло мёртвыми городами и дурными предчувствиями. Я их понимала. Сама бы не захотела.

Но приказ есть приказ. И, положив руку на сердце, я тоже хотела, чтобы они перестали сидеть в своём сарае единой угрюмой кучкой. Сарай этот и так действовал мне на нервы одним своим существованием. Каждый раз, проходя мимо, я чувствовала спиной взгляд. Не обязательно его, но сам факт, что он там, за этими стенами, дышит, существует, заставлял меня ускорять шаг.

Расселение решало сразу две задачи: жители Солей перестанут видеть в чужаках единую угрозу, а я смогу делать вид, что Дэмиан — просто ещё один житель посёлка, а не чело-

век, который когда-то держал меня на цепи. Просто сосед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.